

НЕ ВЫТЕРПЕЛ...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ЖРОКОДОДИИ

№ 24 (1818) август 1966

год издания сорок пятый

— Поверьте в последний раз!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

С ПРАЗДНИЧКОМ!

Что ни говорите, а бюрократизм, как вирусный грипп, живуч и заразен. Он не только проявляется на работе, но и отдых портит.

Организовали однажды честные труженики воскресный пикник на лужайке, и вдруг среди ясного веселья появляется бюрократ с амбарной книгой.

— Простите, — нудно говорит он, — какую по счету вы песню поете? Третью? Перечислите, пожалуйста, названия. «Во поле березонька» — раз, «Каким ты был...» — два. Запишите, что еще споете, я к вам вернусь.

И идет он считать пустые бутылки и консервные банки.

«Не может такого быть», — скажете вы. Да нет, к сожалению, может.

«Помогите бюрократизм одолеть, — пишет врач тайшетской больницы Л. Сумина. — Впервые в этом году мы отмечали День медицинского работника, и все было хорошо, весело, радостно до тех пор, пока из Иркутска депеша не пришла. Вот она:

«Зав. Тайшетским райздравотделом тов. Кретову Е. И.

Срочно, к 5 июля с. г., представьте справку об итогах празднования Дня медицинского работника. Зав. облздравотделом Кушеверский».

Можете себе представить: срочно! А в чем отчитываться? В какие игры играли, или сколько песен спели? Или им иные сведения требуются? Уму непостижимо!

В. ДЕЖИН

Осторожно, «У-1»!

Было утро, и озеро смеялось тысячами улыбок. Не смеялся только гражданин Мельников, сидевший на берегу. Вооружившись терпением, он яростно ремонтировал свою новенькую «У-1», ту самую, которая при клевле автоматически засекает рыбу и выстреливает в рыбакана одной из пружин своего мудрого механизма.

Вернувшись домой, гражданин Мельников снова попытался наладить «У-1» и опять едва увернулся от вылетевшей пружины.

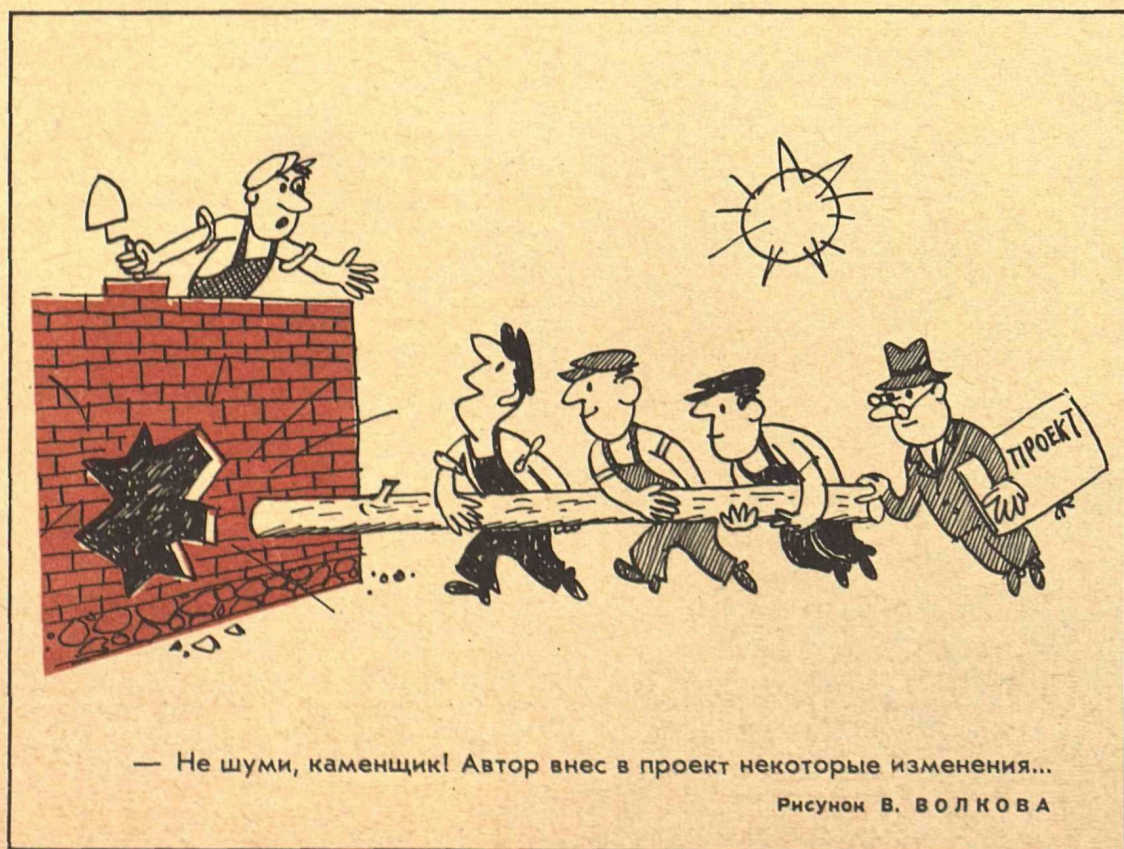
Тут терпение его лопнуло, и он пошел к слесарю.

— Полтора рубля на бочку, — сказал слесарь и долго копался в удочке своими хитрыми инструментами.

А гражданин Мельников сидел на табуретке и горько думал: «Значит, так: уплатил я за удочку 3 рубля 85 копеек, за ремонт, стало быть, 1 рубль 50 копеек. Итого: 5 рублей 35 копеек. А сколько еще уплачу?»

Трудно сказать, сколько еще уплатит за ремонт «У-1» гражданин Мельников. В инструкции Харьковского велосипедного завода ничего об этом не сказано. Кстати, там вообще не говорится, что удочки «У-1» остро нуждаются в последующем ремонте. От покупателя почему-то скрыли этот прикормный фант. А зря. Право, тогда от этого выиграли бы рыбаки. А пока что выгадывают одни лишь рыбы.

С. РЫЖАК

— Не шуми, каменщик! Автор внес в проект некоторые изменения...

Рисунок В. ВОЛКОВА

КОПЕЙКА ПРОТИВ РУБЛЯ

Многие театралы, вероятно, помнят сцену из комедии Островского «Лес», когда встречаются два неудачника-актера. Один в поисках удачи бредет из Керчи в Вологду, другой — из Вологды в Керчь.

А вот современный вариант этой сцены, навеянный тремя письмами из редакционной почты. Итак, встречаются Счастливцев и Несчастливцев. **НЕСЧАСТЛИВЦЕВ.** Аркашка!

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Это ты, братец, сдуру. Что тебе, нету поезда или самолета?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Так ведь, Геннадий Демьяныч, надо казенную копейку побережечь. Я нынче работаю в керченском водопроводном хозяйстве. И получили мы приглашение из «Крымжилснабторга».

СЧАСТЛИВЦЕВ. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть, весь тут.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Куда и откуда?

СЧАСТЛИВЦЕВ. Из Керчи в Симферополь. На своих на двоих.

Это было в начале 1964 года.

В начале 1965 года, поскольку ответа все не было, товарищ Горохов стал нервничать.

— Почта работает нечетко, — сокрушенно говаривал он. — Барахлит система связи.

Но почтовое министерство оказалось на высоте и уведомило товарища Горохова, что его письмо было вручено ленинградскому адресату тогда же, еще в 1964 году, и уж если кто барахлит, то никак не почта, а адресат.

Конечно, так и подмывало обрушиться на невнимательного адресата.

Но товарищ Горохов смирил чувства. Да и дочь уже выросла.

Как вдруг через два года с улицы Росси сообщили условия академического приема: по конкурсу, в ограниченном количестве, при наличии ярко выраженных профессиональных данных. Документ был скреплен подписью зав. канцелярией: не то З. Паплуе, не то З. Паплуа.

— Вот видишь, — сказал своей уже повзрослевшей дочке товарищ Горохов, — Ленинград не подвел! Пусть через два года, но все же они ответили! Ленинград — это вам не Москва.

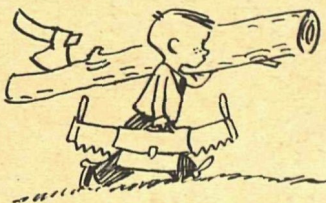
На что дочка ответила:

— Папа, не мешай мне доказывать уравнение Римана.

За два года у нее прорезались ярко выраженные данные математика.

Интересно, как обстоит дело с ответами на запросы у математиков?

Ц. Ц.

ДЕТИ, В ШКОЛУ СОБИРАЙТЕСЬ!

Поселок Мироновка, что в Киевской области, сначала подчинялся Богуславу. А с января прошлого года поселок стал столицей районного масштаба. Богуслав же — рядовым периферийным городком.

Сам по себе этот факт, может быть, не очень выдающийся. Пожалуй, он бы и не привлек внимания, если бы Мироновский райисполком, став у кормила власти, вдруг не свернул строительство Богуславской школы № 2.

Директор школы уже полтора года бьет челом новому начальству и только набивает шишки. Правда, однажды райисполком пожаловал мизерную сумму на шпингалеты для окон. А сама школа за это время не подросла ни на кирпичик. Зато в кирпичной кладке старого здания образовались подозрительные выбоины и трещины. Что делать? Пришлось обращаться к массам, и школьники срочно скинулись по рублику, чтобы как-то поддержать родные стены старой школы и побелить ветхий потолок.

Есть большие опасения, что первого сентября богуславские ученики придут в родную школу не с учебниками, а с инструментами, как заправские ремонтники.

Э. ПОЛЯНСКИЙ

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

Издавна на Востоке красят ногти и пальцы ногной в оранжево-красный цвет. Но только женщины. Мужчины до сих пор ног не красили. И напрасно. Уверяю, это очень оригинально. Окрашивать ногти можно без всяких хлопот, стоит лишь приобрести безразмерные носки Черновицкого комбината (артикул 342, сорт 1, цена 2 рубля 50 копеек за пару).

Мне посчастливилось приобрести дюжину черновицких носков — синих, желтых, вишневых, серых... Надел для начала синие — и к вечеру ноги были выкрашены в лилово-фиолетовый цвет. Пробовал смыть краску, но насколько она была липучей на носках, настолько же стойкой на ногах. Мыло, пемза ее не брали. Тогда я надел желтые носки — ноги приобрели рыжеватый оттенок. После зеленых на коже выступили изумрудные пятна, от вишневых пошли темно-красные разводы. Теперь на моих ногах — все цвета радуги.

Когда я хожу на пляж, приковываю всеобщее внимание, в бане мои ноги вызывают зависть и стылг.

На радостях я хотел бы приобрести и черно-

вицкие майки. А еще лучше — цветные тенниски с рисунком. Представляете, карикун с трикотажа перейдет, как переводная картинка, на плечи, грудь, и это будет куда интереснее любой татуировки!

Л. ПОЛОНСКИЙ

г. Баку.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Когда эта заметка уже была готова к печати, в редакцию вошел сумрачный мужчина. Не говоря ни слова, он сел на стул и стащил с ног ботинки. Затем снял зеленые носки. Под ними оказались еще одни. Такого же цвета.

— В такую жару вы надели две пары носков! — удивились мы.

— Это не носки. Это ноги, — печально сказал гость.

— Ага! Вы Полонский из Баку! — догадались мы. — Это у вас линяют носки!

— Нет, я москвич, — возразил он. — А носки действительно линяют. Это продукция Тишино-Сокольнической красильно-отделочной фабрики. Краска сходит с носков, но не сходит с ног.

— Дорогой товарищ! — сочувственно сказали мы. — Постараемся принять меры. А вам рекомендуем — ходить без носков. Никто все равно не заметит. Дешево и сердито.

Гражданин так и сделал. Он ушел, засунув носки в карман и оставив нам адрес. А мы позвонили на фабрику.

Отозвалась директор фабрики тов. Алексеева.

— Можете не продолжать, товарищи крокодилы, — печально сказала она, — я все поняла. Это оттенок «морская волна». Он получается от соединения двух красителей. А закрепить этот оттенок нечем. Плохо еще работает наша химия.

— А вы не выпускайте «морскую волну».

— Торговля требует! — возразила тов. Алексеева.

Тут уж действительно остается только посочувствовать тов. Алексеевой, оказавшейся между двух огней: отсутствием нужных химикатов и требованиями торговли.

А вот что скажут сами химики? Долго ли граждане будут щеголять ногами цвета «морской волны» или «персидской сирени»?

Как быть?

Жил-был дебошир. По фамилии Куркин, по имени Александр. 15 суток отсидел за мелкое хулиганство. А вернулся домой и заскучал. Уж очень нудной показалась ему жизнь на воле. Надо рано вставать. На работу идти. А на работе, известно, не выпьешь. И вспоминал Куркин 15 суток с блаженной улыбкой.

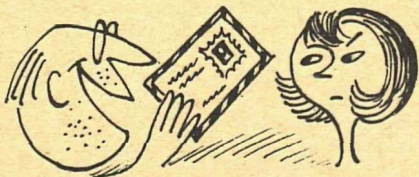
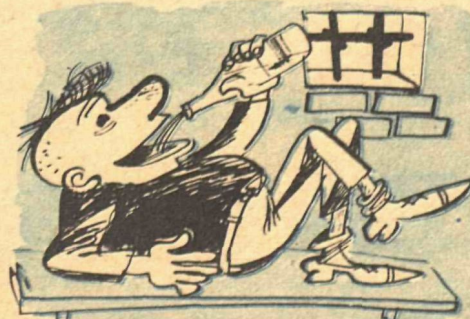
— Эх, и жизнь была, как в доме отдыха, каждый день по рюмочке!

Конечно, мало кто верил, что, находясь в заключении, можно выпивать. Думали, врет Куркин. А тут вдруг выясняется, что в самом деле так. Прав Куркин. Сам тов. Великодворский собственной росписью да со штампом сказанное подтвердил. Прислал он на работу Куркина письмо. Прямо на имя директора завода «Амурсталь». И пишет он такие возмущенные слова: Куркин у нас вел себя недостойно, являлся с физических работ с опозданием и в нетрезвом состоянии. Разве, дескать, в тюрьме место таким людям! Шлите всяких разгильдяев.

В общем, обиделся тов. Великодворский и о результатах рассмотрения по данному вопросу просит дать ответ.

После этого, говорят, в Комсомольске-на-Амуре крепко задумались: где же теперь хулиганов исправлять, если даже в соответствующих заведениях им жизнь — малина! Как быть!

Д. ВОЛОДИН

По конкурсу, ограниченно

Товарищ Горохов из города Новые Мытищи читал балет и тонко в нем разбирался.

— Нет, — говаривал он. — Москва гнет совсем не туда. Танцевальности нет, сплошные новации, выверты, а взять па-шоссе — нипочем не вытягивают, а па-де-ша — и подавно!

Товарищ Горохов недолюбливал московский балет, и сердце его принадлежало ленинградской классической школе.

И хотя Ленинград был в двадцать раз дальше от Новых Мытищ, чем Москва, товарищ Горохов сказал своей одаренной маленькой дочке:

— Тебя сформирует ленинградская школа. Сейчас мы напишем заказное письмо.

И он написал письмо в Ленинград (улица Росси, академическое училище имени Вагановой): «Сообщите условия приема».

ЧУВАШСКИЕ ПОТРЕБИ

Мы стоим вдвоем у канашского элеватора и предаемся классическому занятию людей, попавших в затруднительное положение: чешем в затылках. Куда теперь податься? Где брать материал? А в нерешительность нас ввергла беседа с веселым, бодрым и словоохотливым колхозником, доставившим сюда зерно.

— Мы журналисты, — отрекомендовались мы. — Ну, как дела?

— Будем знакомы, — ответил он. — Дела неплохие.

— Как уборка колосовых?

— В сжатые сроки!

— А помнишь, когда этого мальчика уводили в лес, он бросал на дороге камешки и по ним спокойно возвращался обратно? А теперь погляди на шоссе.

Фельетонист поглядел. И увидел: по асфальту тянулся желтенький шнурочек. Это было зерно. Пшеничка. Рожь-матушка. Ячмень-батюшка. И мы решили:

— Поедем по этому следу. Он нас приведет куда нужно.

И «Волга», которую мы на время зафрахтовали в Чебоксарах, тронулась туда, откуда на элеватор шло зерно.

Вот он, участок, с которого убрали ячмень. Убрали! Можно сказать, верхушки колосьев постригли. Зерна здесь еще невпроворот. Народные контролеры хотели установить, сколько его осталось на поле. И с квадратного метра собрали 130 граммов — полную алюминиевую кружку. О чем говорит кружечка? О том, что на гектаре потеряно 1,3 центнера. Это пятая часть урожая.

Кружечка поведала еще о многом. Ячмень нынче поспевал неравномерно. Такой уж у него был каприз: здесь желтенький, сухой, а рядом —

ная универсальная машина. Его можно использовать как такси. Это открытие сделал комбайнер колхоза «Путь Ильича», Чебоксарского района, Геннадий Павлов. На своем степном корабле он катается в деревню. Дел там много: то щец похлебать, то чайком побаловаться, то с друзьями-коллегами повидаться.

А в колхозе «Большевик», Вурнарского района, во время жатвы ребята всерьез хотели подогнать комбайн к пруду и прыгать с него в воду. Все-таки польза. А что с ним еще делать? То поломка, то горючего не подвезли вовремя. То зерно из бункера не заберают. Послужил бы комбайн водному спорту — и на том спасибо.

А хлеб убирать он все-таки годится. Бывает, что его и на уборку пускают. Результаты не всегда радуют. Но кто тут виноват: бессловесный комбайн или живые руководители колхозов?

Нынче лето было с вывертами. И засуха была, и градом посыпало нивы. Хлеба кое-где полегли, а кое-где не вытянули, остались низкорослыми. Конечно, без неожиданностей в крестьянском деле не бывает. Да и рецепт есть хороший — где раздельная уборка, где выборочная, а кое-где незазорно и с серпами пройтись. Но куда там! В колхозах «Путь Ильича» и «Большевик» и не подумали. Что, мол, за кустарщина! Возни не обещаться. Давай гони прямым комбайнированием! Оно быстрее, и гектаров больше нагонишь.

Комбайн, он, понятно, свое дело делал. Низкие хлеба срезал, как надо, а если рядом были высокие, но поникшие, то без пощады отсекал головку. Колос валился на стерню, в молотилку не попадал.

Хотели мы тоже пройтись тут с кружечкой, но времени не было. Надо же поглядеть, как обработка зерна идет. И отправились поглядеть, как организовал эту работу председатель колхоза «Путь Ильича» А. Олендеев.

Пришли в 6-ю бригаду. На току скопилось 25 тонн обмолоченной пшеницы. Возле нее с лопатами в руках сидят колхозницы и поют песню:

— Ты повеи, повеи, ветер, с полудня...

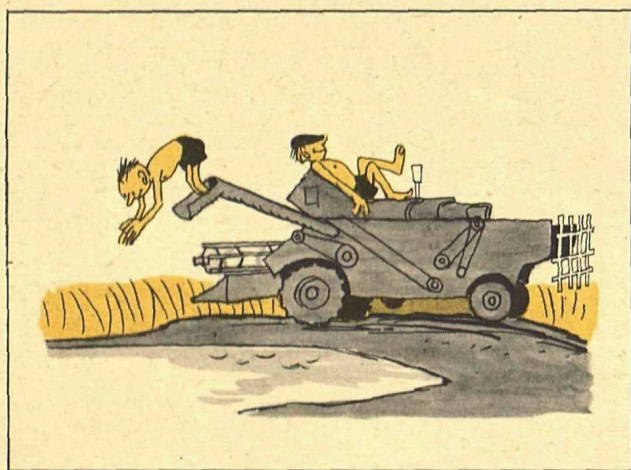
Поют не просто, а со смыслом. Им очень нужен ветер. А он не дует, и все. Чем-то другим занят.

— На что вам ветер, красавицы? — Как это на что? Если бы он, несознательный такой, подул, так мы пшеничку вручную повеяли бы. А так и зерно пересыхает, и мы тут сохнем без дела.

В то же время в четвертой бригаде «пересыхает без дела» хорошая, мощная веялка-сортировка. Сюда бы ее! Пойдем скажем председателю. Подадим совет!

Тов. Олендеев не обрадовался нашему сообщению. Он, как хороший хозяин, прекрасно знал о существовании веялки-сортировки.

— Так ведь ее на новом месте регулировать придется, — кисло сказал он. — Еще поломают. Пусть уж лучше стоит там, как стояла. А мы к ней зерно будем подвозить из других бригад.

— Как с планом продажи государству?

— Выполнен!

— А трудовень?

— Обещает быть, — кратко ответил колхозник. — Ведь нынче все в наших руках. Конечно, ежели на боку лежать, — вареники сами в рот не повалятся.

Очень хорошо! А что писать в блокнот? Не напрасно же Крокодил вез в Чувашию свои вилы?

— Что-то я вспомнил вдруг сказку про мальчика-с-пальчика, — сказал художник.

— Нашел время детство вспоминать! — сердито буркнул фельетонист. — Тут не до мальчиков и не до пальчиков!

Алюминиевая кружечка

Чем дальше мы ехали, тем шире становилась полоска зерна. Длинной она оказалась в несколько километров и привела нас в колхоз имени Кирова, Маргаушского района, к трактористу Иосифу Салтанову. Это он вез хлеб в прицепе со щелью.

— Вы бы хоть щель заделали. Или брезент подстелили, — говорим ему.

— Брезента не допросишься. А щель заделывать... И чего привязались! Вон его на поле, ячменя, сколько валяется!

Видя, что от нерадивого тракториста больше ждать нечего, мы отправились в поле по указанному им адресу.

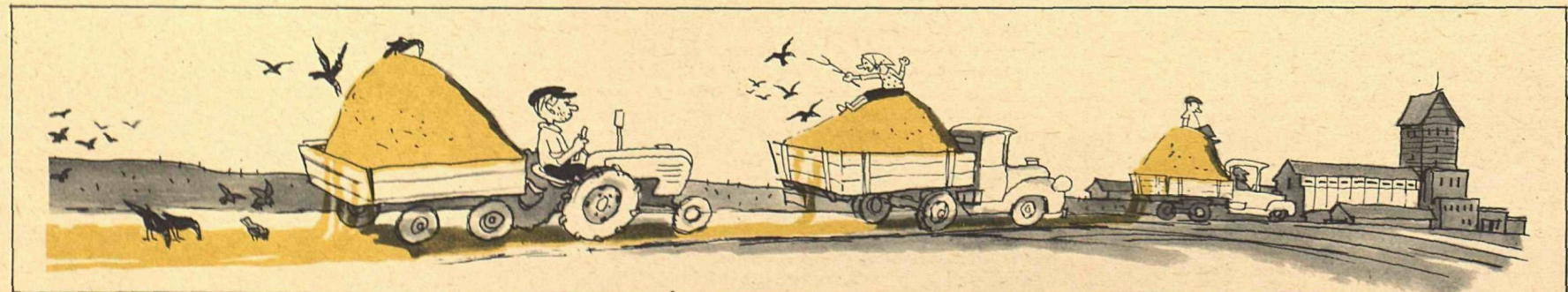
зеленый или с прозеленью. Колхозникам такие фокусы не в новинку. Ясно, нужно выборочную уборку начинать.

— Канитель! — сказал председатель колхоза Г. Горшков. — Так и будем возле этого ячменя все лето кадрили плясать? Вот подравняется, тогда мы его сразу, единым махом.

А пока зеленый колос доспел, спелый потек. Вот потому и полна кружечка. Скажем между строк: галки здесь жирные, прямо лопаются от такого дармового угощения!

Чудеса механизации

Что можно делать комбайном? Убирать хлеб, скажете? Мы тоже так думали. А теперь знаем: это великолепно!

Вспомнилась нам другая сказка. О мудрецах, которые корову поднимали на крышу, поросшую травой: пусть, мол, пасется. Конечно, зерно возить к веялке дорого, да и потерь не избежать. Зато спокойнее. И зачем только вообще веялку выдумали! Куда лучше лопата. Ее и регулировать не надо.

С глаз долой

Наша «Волга» катит по территории Цивильского района. Вот ворота. Над ними вывеска: «Совхоз «Знамя». Что мы тут найдем?

На полях совхоза знакомая уже картина. Колосья в стерне, россыпь зерен в пыли. Грустную думу наводит она.

Если рассыпанного зерна уже не воротишь (люди не галки!), то хоть колосья можно бы собрать. Так, как это делает тов. Львов — председатель колхоза имени Мичурина. Тут и стариков мобилизуют на эту работу и школьников и вообще делают все, что можно.

Зерно зерном, а вот по гороху в совхозе побили рекорд. На гектаре его рассыпано до 130 килограммов! Идешь — под ногами хрустит. Один только комбайнер Г. Николаев умудрился вывалить на землю около центнера гороховых зерен. Выход из положения нашли весьма остроумно: на гороховые россыпи пригласили свиней. И хрюшки слопали 8 тонн отменного зерна! В совхозе облегченно вздохнули.

На другом участке — добрый десяток гектаров — была посеяна смесь гороха с овсом. Забрело сюда стадо, ну, и, конечно, коровы не балерины, потоптали знатно. Можно бы спасти оставшееся. Но опять возня, опять хлопоты. И дирекция решила просто:

— Запахаты — и делу конец!

Запахали. Мы не знаем, какой убыток принесла бесхозяйственность директора совхоза Арсентьева. Думается, не маленький. Зато Арсентьева и наказали изрядно! Ему... поставили на вид.

Перед «второй жатвой»

Блокнот наш полон. И очень кстати попали мы в хозяйство, где все хорошо. Урожай приличный. С комбайнов в пруды не сигают, а используют их по назначению. И потери невелики. Прямо скажем, понравилась нам эта самая артель «Дружба», Урмарского района.

Но пригляделись и увидели пятна на солнце. Целые терриконы зерна лежат под открытым небом.

— Нет крытого тока, — объясняет председатель И. Григорьев.

— Тогда в амбары его ссыпать, что ли. Ведь дождь пойдет без предупреждения.

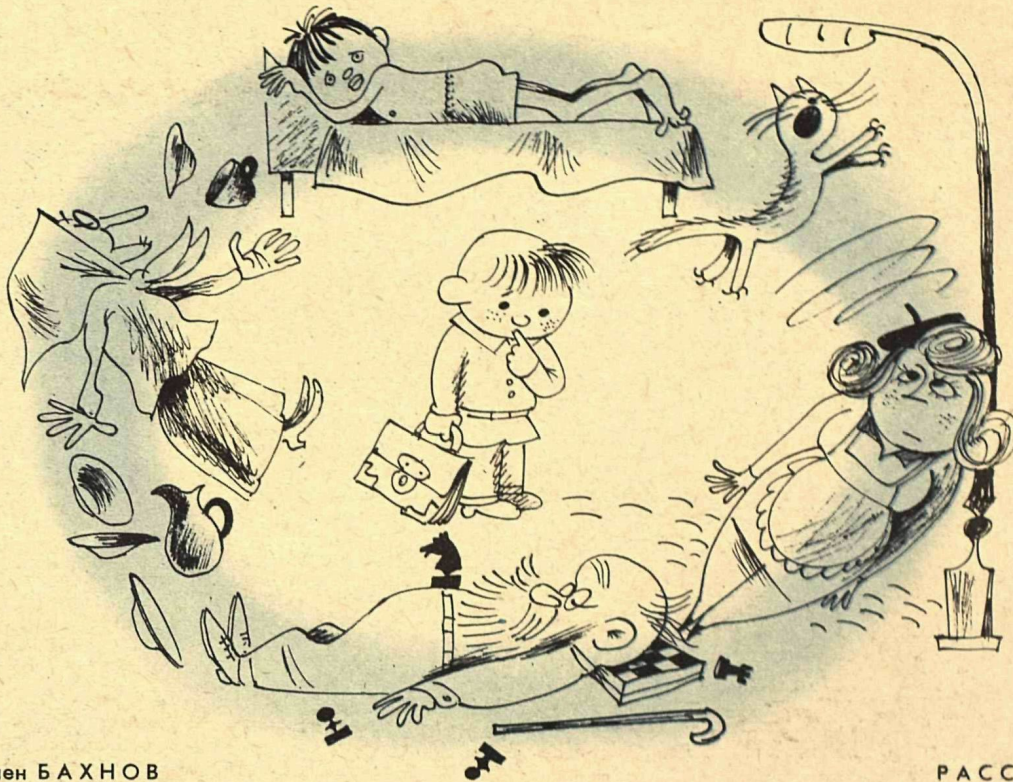
— И амбаров нету. Не из чего их строить, амбары-то. А вот сушилка есть. Дождем намочит — высушим.

Плохо с зерноскладами и в колхозах Цивильского, Маргаушского, Вурнарского районов. Может, тамошним хозяйственникам кто-то по секрету шепнул, что дожди в нынешнем году отменяются?

Подходит осень, а с ней «вторая жатва» — уборка пропашных, рассыпчатой чувашской картошки, всякой огородини, зелени на силос, бахчевых. Если по секрету шепнули верно, тогда, конечно, можно не заботиться о складах, траншеях и прочих хранилищах. Ну, а вдруг без небесной влаги не обойдется? Помогут ли тогда сохранить народное добро ссылки на самые разобъективные причины?

Е. ВАСИЛЬЕВ,
Л. САМОЙЛОВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

Чувашская АССР.

Владлен БАХНОВ

РАССКАЗ

КАК Я ПРОЯВЛЯЛ ЧУТКОСТЬ

Виталька Смородин — мой самый лучший друг, и живем мы с ним на одной улице. Он в том доме, где «Гастроном», а я — где «Рыба — мясо — овощи». И все знают, что мы дружим, живем рядом и учимся в 4-м «б».

А вчера в школе Виталька прыгал на лестнице и чуть не вывихнул ногу. Школьная врачиха уложила его в своем кабинете и сказала, чтобы он не смел подниматься целых три часа. А лично мне она поручила сообщить его родителям, что он полегит и придет, в общем, чтоб они зря не волновались.

Я побежал к Витальке. Я точно знал, что в это время дома бывает только Виталькина бабушка. А она волнуется даже тогда, когда совсем не из-за чего волноваться. И я старался бежать быстрее, чтобы сообщить ей, что не надо зря волноваться.

Я даже не стал ждать лифта, а помчался на шестой этаж и принялся звонить. Я старался звонить погромче, чтоб Виталькина бабушка скорее открыла и поскорей узнала, что не надо волноваться. Потом я долго стучал в дверь кулаком и ногами. И как только она отворила, сразу сказал:

— Вы только не волнуйтесь, Виталька покалечился.

Я даже не успел ничего объяснить, потому что бабушка сразу зашаталась и села на диван. Ей стало плохо.

Я помнил, что в таких случаях надо срочно вызывать «Скорую помощь», только вдруг забыл, как это делается. Но я не растерялся и решил, что Виталькин дедушка сделает это лучше меня. Я подумал, что он сейчас, наверное, сидит на бульваре и играет с другими пенсионерами в шахматы. Я подумал так и побежал на бульвар. Я бежал даже быстрее, чем раньше. И когда я издали увидел Виталькиного дедушку, закричал что было сил:

— Вызывайте для вашей бабушки «Скорую помощь»!

Дедушка сначала не понял, а когда понял, схватился за сердце, покраснел и стал закрывать глаза. Но еще до того, как он закрыл их, я все-таки успел добавить:

— А Виталька покалечился!

Я хотел еще, конечно, сказать про самое главное, про то, что не надо волноваться, но Виталькин дедушка все равно меня уже не слушал. И что за привычка у этих взрослых: сначала не дослушают до конца, а потом мы во всем оказываемся виноваты.

Ну, тут все пенсионеры побросали шахматы и стали советовать, как сообщить родственникам дедушки о случившемся. А я сказал, что знаю, где работает дедушкина дочка, то есть Виталькина мама, и меня послали за ней.

А Виталькина мама как раз работает в нашем

«Рыба — мясо — овощи». Я летел, как стрела, и думал, что тетя Шура тоже, наверное, очень расстроится и что нельзя прямо, с бухты-барухты сообщать ей о всех неприятностях сразу. Я решил, что надо начать с ней разговор исподволь, но не знал, как именно.

Я постарался как можно спокойней вбежать в магазин и увидел, что к тете Шуре стоит очередь за апельсинами.

Я спросил, кто последний, и решил пока обдумать, как лучше предупредить тетю Шуру. Я честно думал, но придумать ничего не сумел. А в это время подошла моя очередь.

— Здравствуй, Вовик, — сказала тетя Шура. — А где твой друг?

— Не знаю, — ответил я и, наверное, очень покраснел, потому что мне сразу стало жарко, хоть было жарко и до этого.

— Сколько апельсинов тебе свесить?

— А мне не нужны апельсины.

— Так зачем же ты стоял в очереди?

— Так просто.

— Ты бы лучше уроки делал, — сказала тетя Шура.

— До свидания, — ответил я и отошел от прилавка. Вот дурак!

Но потом я опять вернулся и сказал:

— Тетя Шура, я чуть не забыл... Вы только не волнуйтесь... Виталькиному дедушке стало плохо. Он сейчас на бульваре, а меня за вами послали.

Все-таки хорошо я сделал, что не сразу ей сказал. С тетей Шурой ничего особенного не случилось, она только заахала, заметушилась и пошла со мной.

Сначала мы просто шли, потом побежали...

— А знаете, тетя Шура, — сказал я на бегу, — у вашей мамы сейчас обморок.

— Как обморок? — спросила тетя Шура и остановилась.

— Да так. Я ей только сказал, что Виталька покалечился, а она...

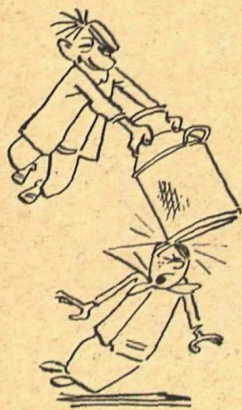
Тетя Шура побледнела, зашаталась и прислонилась к фонарному столбу.

Я сразу понял, что мне придется бежать за Виталькиным отцом... Но тетя Шура молодец! Она быстро взяла себя в руки, стала обо всем расспрашивать и, когда я ей все рассказал, сразу успокоилась и позвонила по автомату в «Скорую помощь».

Виталькиного дедушки на бульваре не было. Пенсионеры сказали, что он принял валидол и побежал домой.

А когда мы пришли к Витальке, там уже все были в сборе: и дедушка, и бабушка, и Виталька, и два врача из двух «Скорых помощей». Одну вызвали мы с тетей Шурой, а вторую по дороге домой вызвал Виталькин дедушка.

БИДОНОМ ПО ГОЛОВЕ

Спросите про дядю Васю Алешкина кого хотите — хоть руководителей совхоза «Лотошинский», хоть в сельсовете. Вам, загибая пальцы, перечислят его достоинства и плюсы, присовокупят, что Василий Васильевич ну просто образец для подражания и все-де его уважают. И сам Алешкин считает себя образцовым гражданином и не то чтобы пятен, а пылинок на совести не ощущает.

И это не просто слова. Лестная оценка личности дяди Васи торжественно зафиксирована в характеристиках с печатями. «...Всегда в трезвом виде, в обществе и быту ведет себя хорошо. По линии сельсовета никаких замечаний не имеется», — нахваливает его сельсовет. «...К работе относится добросовестно, всегда находится в трезвом состоянии, в семейной жизни ведет себя хорошо», — вторит начальство совхоза. А отсутствие у Алешкина хронического алкоголизма возводится в ранг основной добродетели.

Просто непонятно, как до сих пор дядивасин профиль не украсил обложку иллюстрированного журнала.

Но вот какая странность. Почему-то вдруг начались у В. Алешкина кое-какие неприятности. То ему повестка в милицию, то вызов к следователю. Что же стряслось?

Постараемся быть протокольно точными. 16 апреля в Лотошинскую райбольницу из деревни Монасеино привезли доярку А. В. Рыкову. С сотрясением мозга. Незадолго перед этим печальным событием она взяла на соседнем скотном дворе два бидона для молока. Подошло время дойки, а своих бидонов не было. Знай Рыкова, что из этого выйдет, она, наверное, и близко бы к бидонам не подошла... Вслед за ней прибежал скотник и с криком стал оную посудину отнимать. Доярка доказывала, что бидон ей нужен. Тогда скотник ахнул ее тем же самым бидоном (а весит он больше пуда!) по голове. И гордо покинул поле брани, унося бидон как трофей. А Рыкову увезли в больницу.

Теперь мы должны вас удивить. Скотником был тот же самый обладатель хороших характеристик В. В. Алешкин. (Кстати, обе характеристики сочинены после побоища в коровнике.)

Казалось бы, все яснее ясного! Хулиган по-разбойничьи расправился с женщиной, которая втрое слабее его. Из-за вздорного спора о бидоне могла оборваться человеческая жизнь. Или Рыкова могла остаться инвалидом. Даже юрист-первокурсник, не заглядывая в шпаргалку, знает, что надо делать с Алешкиным.

Отлично знает всю эту историю и начальник Лотошинского райотдела милиции майор Бойков. О, товарищ Бойков — сверхпроницательный человек! И поэтому имеет свое весьма оригинальное мнение. Он заявляет: «Рыкова — симулянтка!» Заметьте, какова сила интуиции! Ведь только на ней основано столь безапелляционное решение.

Майор Бойков сразу раскусил, что Рыкова, забыв о четверых малолетних детях, оставшихся без присмотра, нарочно двадцать девять дней отлеживалась в больнице. И потом еще лечилась. Симулировала. Врала. Коварно водила за нос врачей-простаков...

Впрочем, майор Бойков тут же противоречит самому себе и сообщает, что на Алешкина заведено уголовное дело. После этих слов верится, что

меч сурового возмездия вот-вот опустится на голову Алешкина. Но богиня правосудия так и застыла с поднятым мечом. А может, убрала его в ножны?

Ведь давно уже зелено-голубая весна передала эстафету красному лету, уже и золотая осень не за горами.

Сначала, терзаемые сомнениями, милиционеры прибегли к мнению судебно-медицинского эксперта В. Замиралова. Но эксперт давать заключение отказался. Назначена была вторая экспертиза — в областном бюро судебно-медицинских экспертиз. У московских экспертов дел выше головы. Когда еще очередь до Рыковой дойдет...

Поэтому местные жители, не искусленные в тонкостях и хитросплетениях юриспруденции, недоуменно чешут затылки:

— Вот так, та-а-ак! Трахнул, значит, по голове бидоном и до сих пор гуляет на свободе?

— Нечего зря волноваться! — говорит районный прокурор Г. Макашов. — Все идет строго по закону. Так положено. Надо еще многое выяснить. Как ударил? Куда ударил? С какой силой? И была ли вообще травма головы? И сотрясение мозга? С кондачка не узнаешь. Нужно время, время и время.

Мы, признаться, так и ждали, что прокурор спросит: а не стукнула ли Рыкова сама себя бидоном по голове?!

— Известно ли прокурору, — спросили мы, — что на больничном листке Рыковой, выданном в больнице, первый диагноз стерт и написано: «Сотрясение мозга легкой степени»?

Прокурору это известно. И майору Бойкову и следователю лейтенанту Самошкину. Мы по простоте думали, что столь странное и загадочное обстоятельство даст возможность вовсю развернуться криминалистическим талантам лотошинских стражей закона. Но нет! Все делают вид, будто подчищенной записи как бы вовсе не существует. Кому и зачем понадобилось подделывать больничный листок, не знают ни прокурор, ни начальник райотдела, ни следователь. И врачи больницы разводят стерильными руками: «Ничего не помним, ничего не знаем, ничего сказать не можем!..» А если написано «сотрясение легкой степени», то и Алешкину, понятно, намного легче. Так в простейшем деле появилась еще одна таинственная загадка...

С одной стороны, как утверждают в прокуратуре, дело об ударе бидоном ведется как бы правильно и в высшей степени законно. А со всех других сторон... Говорят, будто бы буйный скотник похвально при всем честном народе:

— И ничего-то мне не будет! Я этой Рыковой еще покажу!..

И многие считают, что Алешкин так рассуждает не без оснований.

Эр. ЭДЕЛЬ,
специальный корреспондент Крокодила

Московская область.

— Все! Прощай, молодость!

Рисунок Ю. УЗЬЯКОВА

Юрий БЛАГОВ

Штатный волшебник

У него права большие,
Он сильней министра,
Крикет: «Встать!» — и пол-России
Вскакивает быстро.
Скажет, строгий и серьезный:
— Вытяните ногу! —
И Москва, Таймыр и Грозный
Тянут понемногу.
Приседанье объявляет
Властный, как агрессор,
И послушно приседают
Маршал и профессор.
Назначает бег на месте
Коротко и ясно,
И бежишь со всеми вместе:
Спорить тут напрасно.
Мой отец без приседаний
Прожил девяносто,
Я же, в бег пускаясь ранний,
Шанс имею — до ста.
У меня от ног до шеи
Мускулы в порядке...
Мой салют вам, чародеи
Радиозарядки!

— С новосельем вас!
— И вас также!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

В соседнем кабинете сидел и мучался человек.

Я застал его в разгар страданий, с пером в руке, перед листом девственно чистой бумаги.

Мне стало жаль сослуживца, и я спросил участливо:

— Подбираешь рифму?

— Нет, — вздохнул сослуживец, — это проза. — Понимаешь, решил стать лектором на общественных началах, и вот нужна характеристика с места работы.

— Так... Ну и что? Не дают? Или дали плохую, и ты пишешь заявление об уходе?

— Почему не дают? Почему плохую? Самую отличную с удовольствием под-

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

Рука не поднимается...

пишут! Только говорят: облегчите задачу, текст составьте сами.

— Ах, вот оно что! Действительно...

Ты же себя лучше знаешь. Сослуживец усмехнулся и недружелюбно посмотрел на меня.

— Ты попробуй, — предложил он, — напиши о себе: мол, такой-то — хороший, дисциплинированный работник, морально устойчив, пользуется уважением в коллективе. Напишешь?

— Н-да... Немножко неловко.

— Ага-а, вот то-то! Рука не поднимается! Потом еще прочтет руковод-

ство и подумает, чего доброго: ишь, какого он о себе мнения! Зазнался!

— Это верно. Что ж, тогда напиши скромно и самокритично.

— Ясно. Такой-то, значит, работник недисциплинированный, морально неустойчивый, не пользуется уважением и так далее... А с какой стати я буду клепать на себя? Что-то рука не поднимается. Потом еще, чего доброго, прочтет руководство и скажет: уж если он сам о себе так пишет, то нам, как говорится, сам бог велел!

— И то верно! Как же быть?

— Вот и мучаюсь над этим вопросом.

Я посочувствовал бедняге и отправился в свой кабинет. Там меня уже ждал председатель местного комитета.

— Слушай, — сказал он, — большая к тебе просьба. Ты ведь знаешь, у нас скоро отчетное собрание. Так ты напиши полстранички в мой доклад.

— О чем? — спросил я.

— Как о чем? О своей работе, как члена месткома.

— Я? Сам? О своей?

— Вот именно. Да ты что удивляешься? В первый раз, что ли? Пора бы привыкнуть.

В который раз начинаю писать эти проклятые полстранички — и не могу. Рука не поднимается!

ЗУБАСТАЯ МЛАДШИЙ БРАТ КРОКОДИЛА

Виктор ДРАГУНСКИЙ

ПУТЬ НАВЕРХ

— Дорогой товарищ Чувилюкин! — сказал директор завода прохладительных напитков стоящему у окна молодому человеку. — Дорогой Сергей Александрович! — Директор встал, чтобы подчеркнуть торжественность минуты.

Присутствующие устремили взоры на юношу, к которому адресовался шеф.

— Сергей, — продолжал тот. — Или просто Сережа! Разрешите, мне, прежде чем выдать вам характеристику для поступления в высшее учебное заведение, окинуть беглым взглядом ваш блестящий путь... Вы пришли к нам без каких бы то ни было трудовых навыков, и мы не смогли предложить вам ничего, кроме низкооплачиваемой должности

разнорабочего. Должен сказать, вы так горячо и с таким жаром принялись за дело, что руководство уже через неделю назначило вас бригадиром, организатором и вожаком всех уборщиц предприятия. Надежды, возлагаемые на вас, целиком оправдались. Руководство, в частности я, сделало вас младшим дегустатором. И вы снова оказались на высоте. Ваш талант, дорогой Сергей Александрович, Сергей, Сережа, ваш талант отражен руководством прохладительных напитков в ряде приказов, как в капле э... газированной воды. Простой разнорабочий, дегустатор, старший дегустатор, затем инженер по эстетике оформления прохладительных колонн в дни праздничных демонстраций!.. Кооптированный член месткома, член совета строительного кооператива...

Товарищ Чувилюкин! Руководство завода прохладительных напитков, в частности я, высоко оценило ваши личные качества инициативного, широко эруди-

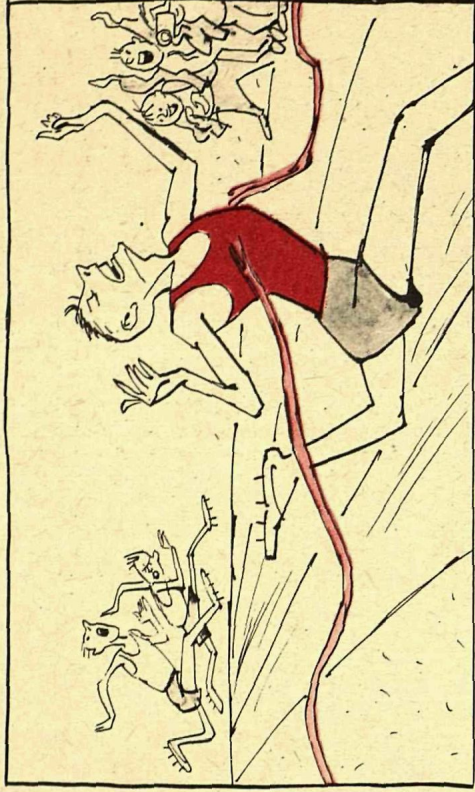
рованного гражданина и отзывчивого общественика! И сегодня, в день расставания, в день, когда вы покидаете эти стены, чтобы оказаться в других стенах, стенах университета, руководство завода прохладительных напитков в моем лице счастливо вручить вам эту характеристику. Сделаю все, чтобы облегчить вам наиболее сложное прохождение через Сциллу приемной комиссии и Харибуду экзаменов. Товарищ Чувилюкин! Руководство завода в моем лице благословляет вас, но мы атеисты. Мы blessings вам скромным транзисторным приемником и путевкой в туристический лагерь «Спутник». Путевка на два срока. Суммы на эти подарки спущены из личного фонда директора.

На глаза директора набегала слеза. Присутствующие сморкались. Юноша был растроган. Он пожал руку директора.

— Спасибо! — сказал он искренне. — Спасибо, папа!

— Чтобы попасть в этот институт, мне пришлось немало...

...побегать!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Мы частушки пропоем...

Так назывался фельетон, опубликованный в № 5 «Зубастика» за этот год. В нем рассказывалось о неудовлетворительной работе Дома культуры колхозов «Победа» и «Правда» Петровского района, Ставропольского края.

Как сообщили нам секретарь Петровского района КПСС А. Яценко, фельетон обсуждался на заседаниях парткомов колхозов «Победа» и «Правда» с участием клубных активистов, интеллигентии сел, а затем на бюро Петровского района КПСС и признан правильным.

В районе проведен семинар культурно-сведа работников, а в ближайшее время во всех селах состоятся творческие конференции молодежи и интеллигенции. Намечены мероприятия по усилению идеологической работы.

ЗУБАСТИК ПОМОГ

— Докатались! А все началось с так называемой дружбы!

Рисунок Е. ГУРОВА

НЕ НАДО ОВАЦИИ!

«Страшно заходить в наш клуб, того и гляди развалится» — жаловались рабочие совхоза «Назаровский» в своем письме, опубликованном в «Зубастике» № 6 за прошлый год. Да и не мудрено: ведь клуб слеплен из самана тридцать лет назад.

Как сообщает секретарь Красноярского крайкома КПСС А. Исаев, в совхозе начато строительство клуба на 370 мест. Закончиться оно должно в конце текущего года».

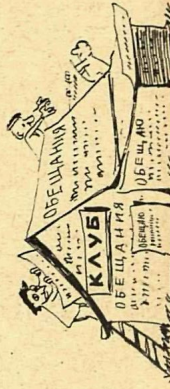
Сразу же отговорился: эта февральская заметка перепечатана отнюдь не по недосмотру редакции. На днях «Зубастик» получил письмо от председателя рабочего комитета совхоза «Назаровский» П. Ядрынникова. «В феврале и марте текущего года, — пишет он, — выкопали траншеи для строительства клуба нашего совхоза, на что затрачено тридцать тысяч рублей. А сейчас траншеи обвалились, и строительство заморожено. На

нашу переписку краевые организации совершенно не реагируют».

Такое положение с новым клубом. А как же старый? Может быть, пока суд да дело, его отремонтировали?

Сомнения наши разрешил тот же тов. Ядрынников. «Клуб центральной усадьбы для дальнейшей эксплуатации совершенно непригоден, — сообщил он нам. — На основании предписания инженера по технике безопасности рабочей группы вынужден прекратить демонстрацию кинофильмов».

Вот почему мы решили написать еще раз уже опубликованную заметку. Ведь в ней допущена явная неточность. А к тому же еще и извиняться перед читателями.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

Меж двух бассейнов

Мастер спорта Евгений Новиков оттолкнулся от стартовой тумбочки, стремительно врезался в воду и поплыл волным стилем, а по-научному говоря — кролем, а по-простому — сажен-ками. Судьи вцепились в секундомеры.

Не спеша, мастер! Торопливость до добра не доведет. Не слышит мастер. Вот уже позади соперники. Бурный финиш. С заметной дрожью в голосе судья-информатор объявляет: есть всевозможный рекорд!

Едва счастливым спортсмен выбрался из воды, к нему, расталивая зевак, подошли двое: один в сине-белой форме студенческого общества «Буревестник», другой — в белосинем динамовском костюме.

— Гордость ты наша, — сказал динамовец, растирая спину мастера мохнатым полотенцем, — на веки вечные прославил родной клуб.

— Была гордость ваша, да стала наша, — возразил представитель «Буревестника», набрасывая халат на плечи рекордсмена.

И, подхватив мастера под руки, двое принялись тнать его в разные стороны с таким рвением, будто они были специалистами не по плаванию, а по перетягиванию каната.

Запросил мастер пощадить, да ведь сам виноват. Не установил рекорда, никто бы его не перетягивал.

Эта история началась минушей осенью. Евгений Новиков бассейн прощаться.

— Я сдал экзамены в университет, — объявил он. — Поздравьте меня и подпишите заодно вот эту бумагу о переходе в «Буревестник».

Бумагу ему вернули.

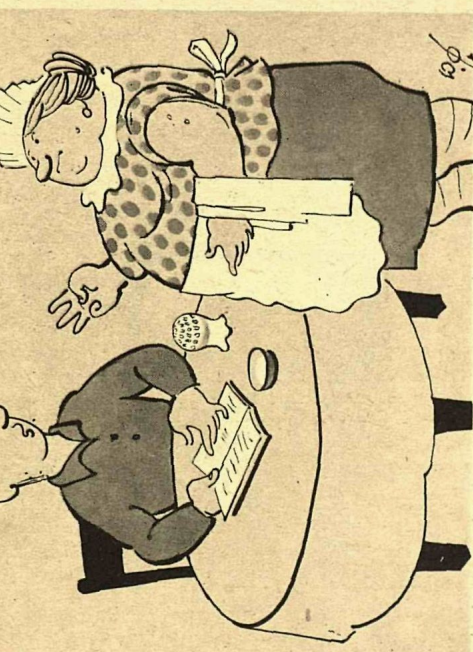
— Не по форме составлена. Пять раз переписывал спортивную заявку, чтобы получить хоть какую-нибудь резолюцию. Месяц ждал. Дождался. Отказали.

— Новиков будет защищать нашу честь, — заявили динамовцы.

— Наоборот. Нашу честь защищать будет он, — заупрямился студенческий клуб.

Чтобы выяснить, чья спортивная честь больше нуждается в защите, создали Федерацию плавания Москвы. После отчаянных споров федерация выносит решение. В пользу «Буревестника».

Так вот второй месяц прошел и потянулся третий... Может ли теперь Новиков тренироваться в университетском бассейне? Нет, еще не время. Еще неизвестно, как на это

— Почему у вас на второе всегда одни зразы?
— А у нас трехразовое питание.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

В СТУДЕНЧЕСКОЙ СТОЛОВОЙ

Двое на одного

У школьника Саша Кожеников, преобладающего в раннем комсомольском возрасте, неожиданно кончился тетради. Собственно, в этом не было ничего особенного. Такое бывало и раньше. Он брал у матери двугривенный и шел в культурный магазин. Однако продавец отвел его руку:

— Убери монету. Десять тетрадей стоят пять янчей.

— А на деньги? — робко спросил Саша. — Раньше платили деньги.

— Деньги товарищ Асанов продавать только на янчей. Нет янчей — шагай домой. Саша так и сделал. А придя домой, написал письмо «Зубастике». «Не нужны ли тебе тетради? — спрашивал Саша. — Если нужны — приезжай в наше село Караваи, только захвати с собой курицу-несушку...»

Вскоре началась контрольная по географии. Едва Саша записал первый вопрос, как в класс заглянул директор Султанмуратов. Ты чем занимаешься, Кожеников? — подозрительно осведомился он.

— Контрольную пишу. Какой океан самый мелкий. Директор развел руками: «Его ждет товарищ Асанов, а он про какой-то океан! А ну, бегом в райпотребсоюз!»

Асанов сидел на своем председательском месте и молчал. Вдоль стен его кабинета сидели хмурые незнакомцы и тоже молчали.

— Вот он какой, ученик Александр Кожеников, — сказал наконец Асанов, — вздохнул. — Такой молодой, а уже жалобы в центральные органы направляет. Одну за одной.

— Направляет... — эхом откликнулись незнакомцы. — Одну за одной... — растерялся Саша. — Если вы о дождиках написали... Тему подсказал...

— Твое дело в классе подсказывать — не в журнал. Сам-то ты передавал янчики продавец?

— Нет... — А можешь опознать того мошеника среди присутствующих здесь честных граждан?

Саша оглянулся, но все они почему-то запытали у него перед глазами.

— Эх, Кожеников, — горько сказал Асанов. — Где работает ваш отец? Так-так... А мать? Тоже пока работает? Ясно. Ты вот что — садись-ка и пиши опровержение. Что не поймаешь — спросишь. Тов. Асанов помянул пальцем и, когда один из незнакомцев приблизился, признал:

— Товарищ Матвеев, вы подключаетесь к Коженикову для оказания конкретной помощи товарищу на месте.

Матвеев достал из кар-

мана мятый листок, подышал на него и лововоно разгладил ладонью.

— Я вот тут забросал проект и согласовал его в высшей инстанции. Можешь смело переписывать.

Потом смело переписанный «проект» был плотно подколот к другому, уже официальному письму — и все это ушло в облпотребсоюз: дескать, направляю вам показания Коженикова, из которых видно, что райпотребсоюз чист, как яичная скорлупа.

На душе тов. Асанова стало спокойно. Впервые за много дней он твердой рукой налил в пиалу зеленого чая и такой же твердой рукой подписал бумагу.

Он и знать не знал, что в это же время из соседней улице Фрунзе ученик Саша Кожеников тоже написал бумагу. И тоже не менее твердой рукой. Может быть, он не сделал бы это так быстро и решительно, если бы ему не помогли коллеги по партиям и классный руководитель Клавдия Петровна Костенко.

«Дорогой Зубастик! Я искренне раскаиваюсь в своей трусости, — писал на этот раз Саша, — и, честное слово, никогда больше не струшу Мне стыдно перед тобой, что я отказался от правды».

..Стыдно Саше, но стыдно и товарищу Асанову.

— Очень стыдно, — признается он, опустив глаза. — Стыдно, что в нашем селе водятся такие несознательные ученики, как Кожеников. Он, наверное, обучился големом-молоде, и ему по ночам снятся куриные яйца. Иначе зачем бы ему так ойлеветать наш родной райпотребсоюз?

А с товарищем Матвеевым и такого разговора не получилось.

— Нету оргинструктора, — сказали мне. — Более. Да нет, не грипп. За дочку болеет. Ведняжка в институт поступает, а он рядом. Хлопочет. Поддерживает. Вдохновляет. Уехал вместе с ней. Он ведь у нас такой хороший отец. За детей жизнь отдаст.

Мне вдруг подумалось: а что если бы письмо в «Зубастик» написано было не Сашей Кожениковым, а дочерью товарища Матвеева, — как бы поступил тогда этот замечательный семянин!

А. ХОДАНОВ,
специальный корреспондент
Зубастика

Ошская область.

По призыванию

Игорь МАРТЬЯНОВ

Мы с ним учились вместе в школе.
— Живу неплохо, ভাল ভাল.
В те отдаленные года Любил подсаздки очень.

Коля Врачом, шофером? Он улыбунулся.
— Что ж, скажу: В театре местном я суфлером Уже пятнадцать лет служу!

РЕПЛИКИ С МЕСТ

«К тому же, всякому ведь приятно показать себя эдаким эрудированным молодцом, и пусть все знают, что едет рядом со всякими прочими смертниками будущий врач».

(Из многогазетной газеты Челябинского медицинского института «За народное здоровье»).

«На соседнем заводе комсомольцы живут полновуче, а мы сидим и отмалкиваемся».

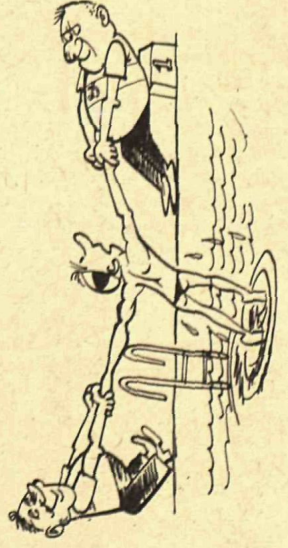
(Из выступления).
Записал В. ЯШИН.
Г. Ленинград.

«Мастерство зреть скоре, когда естественная страсть к голу не глушится гипертрофированной заботой о целомудренности своих ворот».

«Футбол».

(Объявление в пос. Лешово, Г. Ленинград).
Фото И. А. ЕЛЕСИЧЕВА

Б. БОРИСОВ

ВСЕГДА ПРИ ДОЧКЕ

Раздатчица столовой Люба ушла в декрет. Мне стало немного грустно. У Любы были улыбочные глаза щелочками, и она давала мне отварное мясо без жил, даже когда в меню оставались одни котлеты. В последнее время я поглядывал на любин живот и думал, что там, во чреве, брыкается будущий взрывчатый правый краек нападения, мастер прострельных передач. Кто же еще родится у такой боевой, задорной мамки!

Через два года Люба появилась в обеденном зале с маленькой, мякнющей, тихой дочкой на руках. Голова у девочки-куколочки была повязана красным платочком в белый горох.

— Вернешься к нам работать, Люба?

— Нет, я уже в другом месте работаю. Поваром в яслях. Поближе к моей куколке.— Она чмокнула печального ребеночка и засмеялась глазами-щелчками.

Три года спустя, когда я шел по улице, обзвывая магазинные вывески и прохожих сквозь стекла новеньких (первых в жизни) очков, я чуть не въехал в смеющееся женское лицо. Два милых черных тире вместо глаз и добрые губы показались мне знакомыми.

— Здравствуй, Люба. Где работаешь? По-прежнему в яслях?

— Что вы! Перешла поварихой в детский сад. Поближе к доченьке.

Прошло время. Однажды я спускался на эскалаторе в метро, изучая бесконечное разнообразие типажей на встречной лестнице. И вдруг увидел Любу. Мы помахали друг другу, и я успел крикнуть:

— Ты где?

— В школе.

Я покрутил рукой, будто мешаю ложкой в кастрюле. Люба смешливо сощурилась и кивнула.

«Понятно, поближе к куколке»,— подумал я.

Земля продолжала с положенной скоростью вращаться вокруг Солнца, не забывая одновременно крутиться вокруг собственной оси. И не помню уж, на каком витке я встретил Любу в ГУМе. Я неторопливо выбирал трость, достаточно прочную, чтобы держать мое отяжелевшее тело, и достаточно элегантную, чтобы ее владелец не выглядел стариком. В это время меня двинула локтем в бок решительная тетка.

— Осторожнее! — пробурчал я.

— А вы не присыхайте к прилавку на два часа,— огрызнулась тетка. Ее лицо показалось мне знакомым. Автоматический лифт памяти поднял на поверхность сознания имя «Люба».

Она тоже меня узнала и смущенно улыбнулась. Под черными щелочками припухли сдобные мешочки. Я решил сгладить неловкость момента шуткой.

— А я знаю, где ты работаешь, Любаша. В институте поварихой.

— Угадали,— сказала Люба.

— На каком курсе дочка?

— Она не на курсе, а на кухне. Со мной рядом. Коренщицей. По конкурсу не прошла. Но мы еще повоюем. Узнала я, что нашего ректора в детстве мама кормила чанахи, а жена понятия не имеет, как это делается. Ну, я ему специально готовлю чанахи. Думаю, что на будущий год он все-таки переведет мою доченьку из коренщицы в студентки.

Прошло еще десять лет, а может быть, и больше. Я сидел на бульваре и кашлял. В последние годы это — мое любимое занятие.

Мимо шла полная женщина средних лет с хозяйственной сумкой, из которой торчал осклизлый рыбий хвост. Женщина скользнула по мне равнодушным взглядом и вдруг остановилась, всматриваясь. Вы никогда не замечали, как в детских парках весной тают ледяные статуи Деда Мороза и Снегурочки? Они оплывают, растапливаются, но все же, хоть и с трудом, можно еще распознать знакомые, не до конца еще истаявшие черты. Я всмотрелся в расплывшееся, крупитчатое лицо и лишь по прищурю смеющихся глаз узнал Любу.

— Кем работаешь, Любаша? — спросил я.

— Да как всегда, поваром.

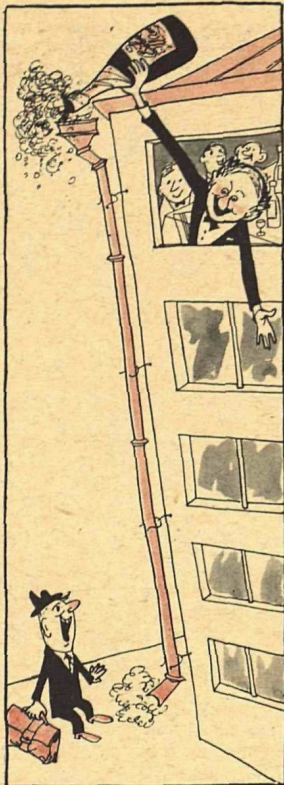
— Где?

— В Академии наук.

— Неужели дочка... — пораженный, не договорил я.

Счастливые Любины глаза сузились до тонины конского волоса.

— Да,— сказала она.— Завтра баллотируется моя куколка.

— Если не можешь зайти, то хоть выпей шампанского!

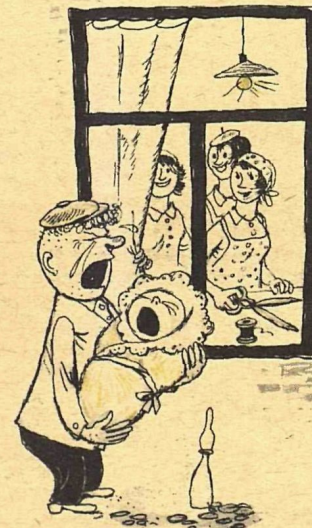
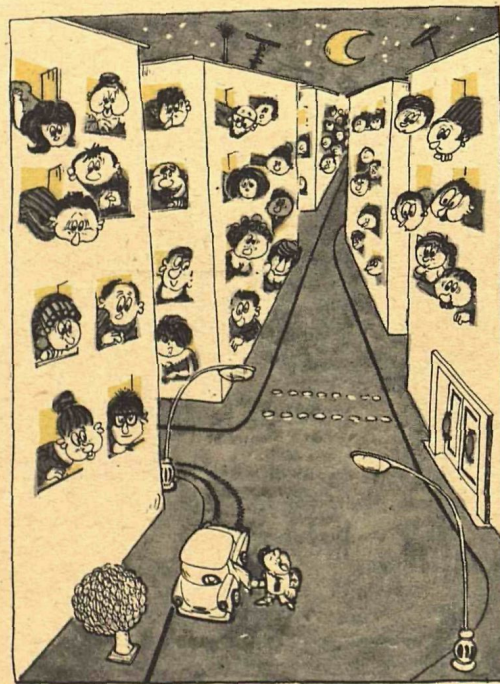
Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Что случилось?

— В профкоме горят путевки!

Рисунок М. УШАЦА

— Маша, я тоже хочу в кружок кройки и шитья!

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

— Что высунулись? Не слышали, как тормоза скрипят?

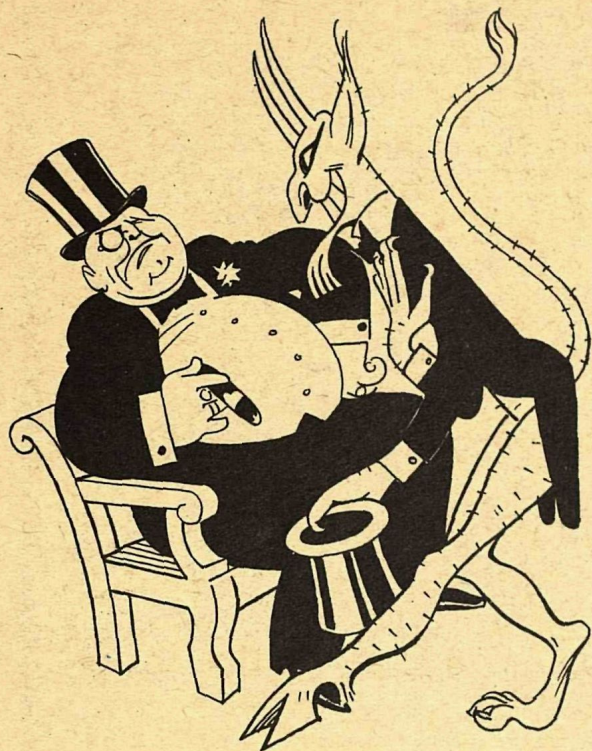
Рисунок В. ТИЛЬМАНА и Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Ну, что вам тут надо отреставрировать?

Рисунок Г. и В. КАРАБАЕВЫХ

ПРОГРЕСС МАККИЛЛЕРА-СТАРШЕГО

— Мальчик, ты распустился! — нахмурился, прокрипел Джон Маккиллер-старший, когда Джон Маккиллер-младший провозгласил тост за прогресс в новом году. — Прогресс?.. В моем доме это слово запрещено! — Голос Маккиллера-старшего напомнил гостям скрип кладбищенских ворот.

Маккиллер-младший втянул голову в плечи. Его лысына покрылась каплями пота.

«Черт возьми, что делает этот проклятый коньяк! Вся Америка знает, что старик не выносит двух вещей: конкурентов и разговоров о прогрессе, — а меня угораздило ляпнуть», — укорял он сам себя.

— Что ты, молокосос, понимаешь в прогрессе! — продолжал старик, все больше и больше распляясь. — Какой же это прогресс, если мои рабочие бастуют, а я не могу их за это повесить?! Какой же это прогресс, когда разные там цветнокожие национализируют мои капиталы, а я не могу послать морских пехотинцев, чтобы навести порядок?!

Маккиллер-старший во гневе посинел, словно слива. Казалось, его хватит удар. Однако удара не последовало. Старый Маккиллер не имел обыкновения доставлять удовольствия своим родственникам.

— Нет, это не прогресс, — шипел он. — Нам необходимо идти не вперед, а назад. Назад и еще раз назад — только так я понимаю прогресс! И за такой прогресс я незамедлительно готов продать душу дьяволу...

Старый джентльмен был полностью выведен из равновесия. Скомкав салфетку, он швырнул ее в блюдо с жарким и, поддерживаемый камердинерами, удалился, оставив в банкетном зале домочадцев с гостями.

Джон Маккиллер мог разрешить себе подобную выходку: он был миллиардером. Ему принадлежали рудники, фабрики, банки, корабли, железные дороги, два десятка сенаторов, вся полиция города Роквила, полный комплект золотых зубов и общий склероз.

Очутившись в своем кабинете, он продолжал ворчать, но вдруг услышал покрхтывающий смехок:

— Хе-хе, сэр, я принимаю ваши условия! Как далеко вы прикажете идти назад?

Маккиллер-старший несколько не удивился, увидев перед собой Люцифера, известного бизнесмена из преисподней. Маккиллер никогда не стеснялся ни в выборе средств, ни в выборе компаньонов. Услышав предложение Люцифера, он тотчас же стал подсчитывать, в какие времена его капиталовложения могли бы принести больше всего доходов.

— На сто лет назад... гм... нет: Рокфеллер, Дюпон, Морган, Вандербильт уж обязательно возьмут меня за горло. Знаю я этих живоглотов! Пойдем дальше!

Внезапно ему на ум пришла мысль:

— А вдруг мне не понравится там, в прошлом?

— Сэр, моя фирма за долгие годы своего существования выполняла самые delicate заказы, — любезно усмехнулся Люцифер. — И ни один клиент не имел повода для жалобы. Ну, а если, сэр, вам что-либо придется не по вкусу, перекувырните один раз, и я буду тут как тут, чтобы принять новый заказ.

— О'кэй, ударим по рукам, — прокрипел Маккиллер-старший. — Давай верти в обратную сторону на тысячу лет!

...И вот Маккиллер переносится в средневековье. Это были неплохие времена: графы воевали с баронами, бароны воевали с графами. Маккиллер-старший сновал между теми и другими, ссужая обе стороны деньгами, исправно зыскивая долги и сдирая проценты.

Однажды он по своим делам ехал из одного города в другой, предаваясь приятным размышлениям о том, на сколько дукатов вырос его капитал. Вдруг перед экипажем появилась группа вооруженных всадников.

— Хо-хо-хо, — загоготал их атаман. По неприятному голосу клиент Люцифера узнал Дюпона. — Кого я вижу! Сам Джон собственной персоной! И скорее всего при деньгах!..

У Джона Маккиллера отнялись руки и ноги. Он вывалился из экипажа и еле-еле успел сделать кувырок.

— Эй, черт! — сердито вскричал он, увидав Люцифера. — В хорошенькое дельце ты меня втянул! Разве это честный бизнес? Перенеси меня назад еще на тысячу лет!

...И вот Маккиллер-старший уже меняла времена Римской империи. Ему принадлежат золото, имения, рабы. Строгая государственная власть заботится о том, чтобы деньги приносили плоды и плоды плодов, а рабы трудились по меньшей мере двадцать четыре часа в сутки...

Маккиллер был доволен. Но в один прекрасный вечер на берег высадилась банда пиратов под водительством Вандербильта. Пираты сожгли имения, захватили золото и увели рабов. Спасаясь, старый Джон совершил кувырок с такой поспешностью, что у него захрустели кости.

— Черт, если ты будешь продолжать свои глупые шутки, я разорву договор, — потирая поясницу, пригрозил он Люциферу. — Смутьянов и разбойников было предостаточно и в двадцатом веке! Перенеси меня назад на сто тысяч лет!

...И вот Джон Маккиллер-старший — член первобытной общины. Господствовавшие там порядки поражали старого Джона на каждом шагу. Золото не имело никакой цены. Никто ничего не покупал и не продавал. Охотились вместе. Добычу делили так, чтобы никого не обидеть. Наблюдая все это, Маккиллер в душе рвал и метал, но все же не спешил расстаться с общиной, ибо в голове его зародились далеко идущие планы. Если только взяться за дело с умом, тут можно будет большие дела ворочать. Подумать только, ни одного конкурента! Весь бизнес в единоличной власти!

Маккиллер-старший решил начать с такого дела, которое больше всего заинтересовало бы соплеменников, — с небольшого мясного ларька. Сославшись на годы и ревматизм, он целую неделю не ходил со всеми на охоту и сидел, притаившись в камышах у реки, подкарауливая зверей на водопое. В конце концов ему удалось сразить камнем полуслепое козла, который бог весть каким образом забрел сюда.

— Для начала товар есть, — возликовал Джон, затащив тушу в кусты. — Если я буду продавать по доллару фунт, то...

Увы, эти приятные подсчеты прервал воинственный клич. Со стороны леса к старому Джону устремилось все племя, ибо он нарушил святой закон общины: что взято на охоте одним, то принадлежит всем. Но кто же это, скрежеща зубами, бежит впереди, размахивая увесистой дубиной? Ну, конечно, это опять один из его конкурентов — Рокфеллер!

Маккиллер-старший не стал долго размышлять, какие ветры занесли сюда Рокфеллера. Он не стал ждать, пока разозленные соплеменники начнут молотить его дубинками. Он молниеносно перекувырнулся и попросил Люцифера перенести его назад на миллион лет.

— Да будет так! — согласился Люцифер. — Но, между нами говоря, ваши прихоти влетают нашей фирме в копейку.

...И вот Джон Маккиллер-старший беззаботно прыгает по деревьям, вычесывает пятерней блох, лакомится бананами. Ах, какая чудесная гроздь попала ему! Он ухватил по банану каждой рукой и каждой ногой, а еще один взял в зубы. Тут за его спиной кто-то дико зарычал. Обернувшись, старый Джон увидел обросшую рыжей щетиной образину, в которой он без особого труда узнал своего злейшего конкурента Моргана.

— Отдай! — завопил рыжий.

— Не отдам! — взвизгнул Маккиллер-старший. — Ты не имеешь права! Это мои бананы!..

Когда, услышав шум, в кабинет прибежали Маккиллер-младший и гости, они нашли старого джентльмена на полу. Джон Маккиллер-старший смотрел на них побагровевшими глазами и, ворча, запихивал в рот чекуювую книжку.

Прибывший врач только развел руками:

— Старческое слабоумие. Медицина бессильна.

Перевел с латышского
Ц. МЕЛАМЕД.

Николай ЭНТЕЛИС

При пиковом

интересе

Американские агрессоры намереваются рассыпать в джунглях Вьетнама... пиковые тузы, полагая, что карты напугают партизан, поскольку пиковый туз — «дурная примета».

Сделан ход заморскими тузами:
Решено за несколько часов
Сбросить над вьетнамскими лесами
Двадцать тысяч пиковых тузов.

Уплывают быстро ставки с кона,
Тень банкротства встала у дверей.
Трудно игрокам из Пентагона —
Нет в запасе верных козырей.

Тщетно ожидают результатов
Шулера от карточных примет:

Положение пиковое Штатов
И для них, конечно, не секрет.

Хоть покрой тузами все полянки,
Нечем крыть войкам всех мастей:
Партизаны в пику планам янки
Оттузят непрошенных гостей.

Не поможет недругам Вьетнама
Хитроумный блеф очередной —
Ни тузы, ни пиковая дама,
Ни премьер — сайгонский
подКидной!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Николай ГРИБАЧЕВ

ГЛАВНАЯ ЗАПОВЕДЬ ТУНЕЯДЦА

Плевать на честь,
На труд начхать,
Мне б сладко есть
Да мягко спать!

Жаль, не дал черт
Ответ доселе —
За чей бы счет
И в чьей постели!

«ИСПРАВИТЕЛИ»

Есть люди, одержимые
страстью все и вся «исправ-
лять».

Основ и сутей спутав меру,
Они мечтой уязвлены,
Чтоб черноте прибавить мелу,
А углю снежной белизны,
Тут отпаять, там напаять,
А что в итоге — наплевать!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

(почти по Омару Хайяму)

Мальчишка, что споткнулся, камень бьет,
Влюбленный неудачник водку пьет.
А толку что! Самим себе дорожке.
Тот вечно глуп, в ком ярость верх берет.

Мне говорили — осторожен будь,
Никто асфальтом не уложит путь.
Но если я всю жизнь просомневаюсь,
Дойду ли вообще куда-нибудь!

Не бог меня придумал, и не черт
Включал меня в свой творческий отчет,—
Природа мой творец. Не оттого ли,
Что день, меняюсь! В ней ведь все течет!

Где счастье! Да везде: нагнись и подбери,
Но только лень сначала побори,
Пустомечтанье, пустоговоренье,
А ум и труд возьми в поводыри.

М. ГОРЧИВКИН

**Съел
меня
соловушка**

Приключилась со мной большая беда. Такая, что я могу даже лишиться своей работы. А работа у меня совсем неплохая — я редактор отдела культуры и литературы одной столичной газеты.

Вот как все это произошло.

Заявился недавно в редакцию один мой приятель, известный поэт, и принес стихотворение под названием «Предвесеннее».

— Стихи недурны, но почему это у тебя в одной строфе после слов «чуть лишь стаял снег с полей» вдруг написано: «трели звонкие выводит соловей!...»? Ха, еще март не кончился, еще здоровенные ледяные сосульки свисают с крыш, а у тебя уже соловьи «трели выводят!». Сдается мне, в эту пору соловьи еще не поют...

— Вот что значит канцелярская крыса! — рассердился не на шутку поэт. — Вот что значит наблюдать жизнь из редакционного окошка! Летели птицы пять или шесть тысяч километров, старались, потели и, наконец, долетели! Как же им не запеть от радости?! Молчал бы уж лучше!..

Такая солидная аргументация изрядно поколебала мои скромные познания в области орнитологии. Но я все же решил не сдаваться, не ронять, так сказать, редакторский авторитет.

— Ладно, успокойся, — говорю. — Давай спросим кого хочешь, и тебе скажут, что соловей начинает выводить трели только в мае, когда обольщает соловиху.

Ветеринар Магурски заведует в нашей редакции отделом животноводства. Должен ведь он знать, когда поют соловьи! Снимаю телефонную трубку и задаю ему вопрос. Магурски сначала будто подавился, начал кашлять, мычать и в конце концов признался:

— Черт их знает, поют они сейчас или нет!.. Давненько я уже не бывал на природе. Раньше пели они обычно в мае, но ведь сам знаешь, теперь все меняется... Может, и они начинают досрочно...

Положение становилось серьезным: если уж ветеринар стал в тупик, к кому же обратиться?

«Стоп! Главный редактор! — сверкнула у меня в голове идея. — Наш главный — человек серьезный, с богатой эрудицией, не может он не знать».

Поднимаю трубку и подробно объясняю ситуацию. Слышу, он пыхтит и отдувается. А потом вдруг как загремит:

— Что у тебя — другого дела нет? Что ты ко мне пристаешь со всякими глупостями?!

И хлоп трубку...

Полчаса спустя, на планерке, посвященной очередному номеру, главный поставил вопрос ребром: «Поют соловьи в марте или не поют?»

Редколлегия раскололась надвое: одни говорили, что поют, другие — не поют. Вот и работай в такой обстановке!..

Должен вам сказать, что я человек настойчивый и уж если надо, так своего добьюсь!

— Подожди, — говорю поэту, — давай узнаем, что по этому поводу думают другие писатели и поэты.

Достаю справочник Союза писателей и начинаю по алфавиту:

— Так и так, дорогой товарищ, ваше мнение?

Из 63 поэтов и писателей, которых я сумел застать дома, 42 ответили, что соловьи уже поют, что они просто не могут не петь. 13 ответили, что об эту пору соловей молчит, как проклятый. 8 от прямого ответа уклонились.

А стихотворение-то мне здорово нравилось, в нем были и «набухающие почки», и «крылатые облака», и «кошачьи концерты», и все прочее, что так характерно для периода пробуждения природы.

— Ладно, сдаю в набор твое стихотворение, — сказал я поэту. — Даю в завтрашний номер, под твою ответственность!..

А через день хлынули и еще много дней спустя сплошным потоком шли в редакцию письма и телеграммы, где читатели подробно разъясняли нам, когда начинает петь соловей...

Главный ходит взбешенный, ползут слухи, будто меня собираются вскоре послать на периферию. Годика на два. Чтобы я как следует изучил соловьиный вопрос. Прощай, спокойная работенка!..

Зарезал меня этот поэт. Съел меня соловушка. Загрыз начисто...

Перевел с болгарского Г. МАРКОВИЧ.

МОЖЕТ

19 июля.—Тромбоны, по местам! Саксофоны, по местам! Ударник, на середину! — подал команду конференсье.

— Скрипки, по местам! Квартет, стройся! — гаркнули мы, вспомнив афишу.

— Какие там еще скрипки?! Какой квартет?! — заорал конференсье. — Хватит с них и тромбонов!

Смущенно опустив головы, мы юркнули за кулисы. На сцене, обворожительно улыбаясь, появился сам Эдди Игнатьевич. Он бросил ласковый взгляд на белоснежные манжеты и плавно взмахнул руками, словно собираясь улететь.

Зал затаил дыхание.

Расчет оказался верным.

Выступление нашего юмориста прошло в могильной тишине...

Конференсье быстро прокрутил программу и, объявив парад-алле, стал представлять участников концерта.

И тут какие-то некультурные зрители закричали:

— А где скрипки?

— Где квартет?

— Почему не солирует Рознер?

— Безо-бра-зие!

Ну и люди! Только и думают, как бы устроить какой-нибудь скандал. Даже во время отдыха!

Даже в театре!

Хорошо, что Эдди Игнатьевич не расстроился. Он просто махнул на этих людей дирижерской палочкой.

20 июля. Сегодня концерт в Эссентуках. Аншлаг. Все билеты проданы. Еще бы! Оркестр Эдди Рознера! В зале полторы тысячи человек. Пора начинать.

— Тромбоны, по местам! Саксофоны, по местам! Ударник, на се-

редину! — командует конференсье. Его перебивает вопль главного администратора:

— Тромбоны, ко мне! Саксофоны, ко мне!

Пропал Рознер!

Ищем...

За кулисы — нет.

В артистической — нет.

В буфете — нет.

Вызвали милиционера.

— Дело сурьезное, — сказал он, выслушав встревоженный рассказ главного администратора. — Может, это несчастный случай, а может, даже уголовное преступление. Будем искать через посредство собаки.

К счастью, тревога оказалась напрасной. Эдди Игнатьевич нашелся сам. Он просто прогуливался по курортному парку в приятном обществе.

— Начинайте же, начинайте! — взмолился директор эссентукского театра. — Публика волнуется!

— Я еще не готов, — строго сказал маэстро. — Кстати, устройте пока моих дам! А я пойду переодеваться.

Все радостно заулыбались. Еще бы! Эдди Игнатьевич будет переодеваться.

— Брюки для маэстро! — весело крикнул старший администратор.

— Есть!

— Галстук!

— Есть!..

На сцену Эдди Игнатьевич вышел, обворожительно улыбаясь. Он опоздал всего лишь на 20 минут. Право же, это пустяки! Такой маэстро может себе позволить!

25 июля. Сегодня у нас второй концерт в Кисловодске. Директор театра доверительно сообщил, что в зале присутствуют четыре работника из центра.

— Можете не волноваться, — заверил директора Эдди Игнатьевич, — все будет «о'кэй»!

Концерт прошел как по нотам. Как в голубой афише.

29 июля. Зрители окончательно распоясались. Почти на каждом концерте они кричат:

— Безо-бра-зие!

— Ба-ла-ган!

С хамством надо бороться. К сча-

стью, Эдди Игнатьевич кое-что придумал.

Теперь перед нашим цельнометаллическим и чистомедным оркестром стоят сверхчувствительные микрофоны и два мощных динамика. Музыканты дуют, не щадя легких. Наш ударник вовсю молотит по барабанному перепонкам.

Обидные выкрики как будто прекратились. Во всяком случае, их не слышно.

Правда, некоторые зловредные типы все-таки ухитряются нам мешать. Сегодня, например, двое из первого ряда так хохотали во время выступления Деранкова, что тот от неожиданности даже забыл текст.

В самом деле, все сидят тихо, с серьезными лицами, а эти двое хохочут!

— Ну нет, — закипел Деранков, убегая со сцены. — Я этого так не оставлю!

Пришлось этих двух из первого ряда задержать с помощью милиции.

— Т-так! — потирая руки, сказал Деранков. — А ну-ка расскажите милиции, что вы там гоготали... Рассказывайте, рассказывайте! Не выкручивайтесь!

К сожалению, милиционер оказался почему-то на их стороне и отпустил нарушителей. Безобразия! Вот и борись с хулиганством!

30 июля. Нервы у ребят сильно пошатнулись. Дело дошло до того, что они устроили творческую дискуссию и стали зачем-то бить друг друга по губам. На нервной почве. Да и как тут не нервничать, если зрители и милиция действуют заодно! Вот что они пишут.

Преподаватель музыкального училища из Грузии:

«Вместо музыки оркестр Рознера преподнес зрителям сплошную какофонию...» Много он понимает!..

Инженеры-химики из Москвы:

«...Каждый оркестр должен иметь свою манеру исполнения, но на ней не должно стоять клеймо «халтура». Пусть Рознер это учтет, а также и то, что зрителей надо уважать».

Смотря кого! Их-то за что уважать? Постовой милиционер:

«...Я пытался выслушать кого-нибудь одного из артистов, но это мне не удалось, так как все артисты были если не пьяны, то изрядно выпивши».

А он их поил? Это еще доказать надо.

Дежурный вытрезвителя:

«...У доставленного артиста Шакарова Радамеса Арамовича при обыске ценностей не обнаружено. Доставленный артист Шакаров был одет в белые трусы. Губы разбиты, на лице ссадины. Оставлен до вытрезвления».

А черные трусы лучше, что ли? Придраться ко всему можно.

Ну и зритель! Ну и милиция! «Какофония...», «халтура...», «белые трусы...». Как будто наш оркестр не имеет права на собственное творческое лицо! Нет уж, вы нас извините! Такой знаменитый маэстро, как Эдди Игнатьевич, может себе позволить!

А. ГОЛУБ,
Б. ДАНЕЛИЯ,

администраторы эстрадного оркестра Эдди Рознера на общественных началах

МОЖЕТ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ...

[Из дневника эстрадного оркестра]

18 июля. Ура! Со вчерашнего дня мы работаем в эстрадном оркестре Эдди Рознера. Подумать только! В таком прославленном оркестре! У самого знаменитого маэстро!

Свои гастроли наш небольшой, но крепко спаянный коллектив начинает в Кисловодске. Завтра первый концерт.

С голубых афиш, запечатленный в шести позах, смотрит на будущих зрителей голубой Эдди Рознер, исполняющий «Голубой блюз» на своей золотой трубе. Вокруг него поют скрипки, плачет гитара, гремят трубы, грустят саксофоны. Чуть выше — улыбается красивая певица. Чуть ниже — распевает любимую песенку популярный квартет:

...Будь попрочнее старый таз,
Длиннее был бы наш рассказ...
Так выглядит наш ансамбль на афише.

И вдруг в наступившей тишине отчетливо прозвучал голос трубача Шакарова:

— Вот тебе, выкуси!

Свой возглас наш трубач выразительно подкрепил фигурой из трех пальцев. Зрители почему-то зашумели. Эдди Игнатьевич тактично ретировался за рояль.

Мы выскочили на сцену и стали наперебой объяснять публике, что Шакаров адресовал кукиш не ей, а своему соратнику по трубе. Такой уж он, Шакаров, у нас непосредственный.

Но зал никак не мог уговориться. Не любит публика, когда при ней артисты выясняют отношения. Тогда один из нас бросился за кулисы и решительно потребовал:

— Давайте скорее на сцену автора и исполнителя юмористических рассказов Деранкова!

Творческий разговор.

Рисунок С. СПАСКОГО

Танец Альпинистов

Я коллекционирую танцы. Это моя слабость. Включаю телевизор и смотрю, смотрю... Своеобычна и неповторима их хореография!

ШАХТЕРСКИЙ ТАНЕЦ. Два молодца в шахтерских фуражках с фонарями явно отлынивают от работы. Движения их ослаблены и не устремлены вперед. Один показывает другому; причле минут бы на шестьсот. Другой соглашается. Тут появляется ОНА. Легкая и стремительная, зовущая вперед, к трудовым свершениям и подвигам. Вьется вокруг них, ободряет, стыдит, поднимает тонус. Лодыри оживляются. Один пускается вприсядку, другой обнимает ЕЕ и... И тут появляется ОН с отбойным молотком в руках. Движения ЕГО уверенны, точно воссоздают обстановку трудового подвига. ОН ходит колесом и высоко подпрыгивает, как бы говоря: многого мы уже достигли, но какие высоты мы еще возьмем! ОНА устремляется к НЕМУ. ОН к НЕЙ. ОН на вытянутых руках уносит ЕЕ, оли-

цетворя первую любовь и призывает трудиться еще лучше. Посрамленные лодыри уныло машут ногами в стороны, однако по всему видно, что в очередную смену они выдадут на-гора по эшелону сверхпланового угля.

ТАНЕЦ РЫБАКОВ. Два молодца в высоких рыбацких сапогах и зюйдвестках явно не хотят работать. «Не пропустить ли нам по стопке?» — спрашивает один другого. «С радостью!» — присядкой отвечает тот. И тут появляется ОНА. Легкая и стремительная, зовущая и увлекающая, нацеливающая и отвлекающая. Лодыри оживляются. Один пляшет вприсядку, другой тем временем обнимает ЕЕ и... И тут появляется ОН с селедкой в руках. Серия специфических рыбацких движений, точно воссоздающих обстановку нелегких промысловых будней. ОНА устремляется к НЕМУ. ОН к НЕЙ. Уносит ЕЕ на вытянутых руках, олицетворя первую любовь и богатый улов одновременно. Лодыри пристыжены,

равнодушно машут ногами, но по всему видно, что в очередную вахту они выловят по шестьдесят центнеров селедки сверх плана.

МИЛИЦЕЙСКИЙ ТАНЕЦ. Двое молодцов переходят улицу в неполюженном месте, шарахаясь от автомобилей и поминутно рискуя жизнью. И тут появляется ОНА. Вьется вокруг них, разясняет, указывает, показывает, предупреждает. Нарушители смущены, но обещают исправиться. Один делает сальтомрале, другой обнимает ЕЕ и... И тут появляется ОН в милицмейской форме и с полосатым жезлом в руках. Стровым шагом ОН переходит улицу в обозначенном месте. ОНА устремляется к НЕМУ. ОН к НЕЙ. На вытянутых руках ОН уносит ЕЕ, олицетворя первую любовь и правила уличного движения одновременно. Нарушители вяло машут ногами в стороны, но по всему видно, что они впредь будут неукоснительно слушаться милиции и как можно реже пересекать улицы...

И так далее и тому подобно. Понятно, что, обладая такой коллекцией, я все чаще стал задумываться, что неплохо было бы мне сочинить два-три танца. Однако за какую бы отрасль промышленности я ни брался, оказывалось, что повсюду уже созданы свои танцы, отражающие специфику труда. Выручил Димка Колесников, альпинист.

— Друг мой! — воскликнул он, когда я поделился с ним своими планами и огорчениями. — Осталось только одно незакрытое место. Если хочешь, чтобы твое имя было начертано на высочайшей вершине Кавказа, потрудись для альпинистов.

Я тут же выложил ему сюжет.

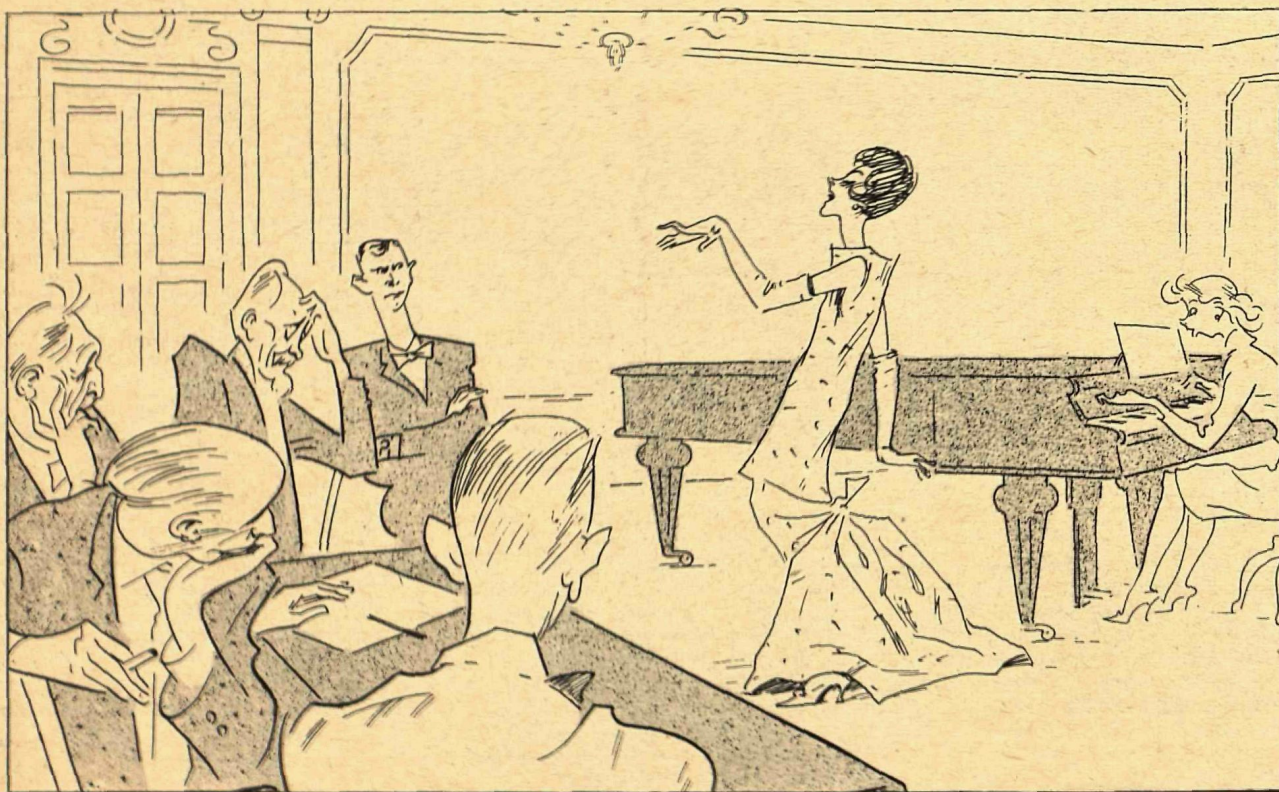
ТАНЕЦ АЛЬПИНИСТОВ. Двое новичков лезут в гору. Тяжело, сколько, не хватает воздуха, рюкзак тянет вниз. Один машет рукой: давай, мол, спускаться, надоело. Тут появляется ОНА. Вьется, ободряет, стыдит, зовет вперед, к снегам, к вершинам, к облакам и горным орлам. Новички оживляются. Один отбивает четкую, другой обнимает ЕЕ и... И тут появляется ОН с ледорубом в руках. ОН легко прыгает с одной скалы на другую. ОНА устремляется к НЕМУ. ОН к НЕЙ. На вытянутых руках ОН уносит ЕЕ к сияющим вершинам, олицетворя первую любовь и высокое мастерство скалолаза одновременно. Посрамленные новички вяло машут ногами в стороны, но по всему видно, что вскоре на земле не останется не только непокоренных вершин, но и возвышенностей, холмов, горок и ухабов.

— Ну как? — спросил я Димку.

— Великолепно! Свежо, современно, оригинально! И богатейшая идея: любви достоин только передовик. Плохо трудишься — и не суйся: ничего не получится!

В ближайший отпуск Димка увез мой танец на Кавказ. И что бы вы думали? Недавно я видел его по телевидению в исполнении группы чукотских альпинистов. Автора, правда, не назвали, но я не в обиде.

Главное — танец живет!
г. Херсон.

СРЕДИ РАБОТНИКОВ ЭСТРАДЫ

— Ни голоса, ни слуха! Для чего вы ее держите?
— Для периферии...

Рисунок А. КРЫЛОВА

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Прежде всего позвольте объяснить, почему я направляю свое маленькое письмо-рецензию на фильм «Здравствуй, это я!» именно «Крокодилу». Дело в том, что я уже обращался в различные журналы, но там мой скромный труд почему-то принимали за шутку. Надеюсь, что хоть вы примете его всерьез.

О кинофильме «Здравствуй, это я!» уже написано много, и критики на редкость единодушны в похвалах. Хвалят и сценарий, и режиссуру, и игру актеров, и работу оператора. Если память мне не изменяет, не хвалили только работу портняжной мастерской студии. Однако мне кажется, что рецензенты совершенно непростительно упустили один очень важный элемент, который позволяет говорить о фильме как о новом слове в кино. Я уверен, что «Здравствуй, это я!» — первый удачный опыт совмещения художественного фильма с научно-популярным.

Судите сами: почти половину фильма герои ходят. Ходят в прямом смысле этого слова, то есть передвигаются по экрану в вертикальном положении, попеременно выставляя то правую, то левую ногу. Ходят по улицам, ходят по паркам, ходят по парку, демонстрируя при этом высокую технику ходьбы. — никто ни разу не упал. Вот этот-то познавательный элемент — как нужно ходить — и понравился мне больше всего. Профессиональные критики пишут о нравственной чистоте героев, о верности, о поэтичности, о твисте, который называют танцем юности, а о главном, о ходьбе как таковой, — ни звука!

А ведь с каким напряженным вниманием зрители сле-

дят за бесконечной ходьбой героев! Я сам слышал, как в зале шептались: «Смотри, опять пошел! Сейчас минут пять ходить будет!»

В этом повышенном интересе зрителей к ходьбе героев картины нет ничего удивительного. Поскольку и сути картины хождение прямого отношения не имеет, зритель может сконцентрировать свое внимание на технике ходьбы. Сидят люди и с замранным сердцем смотрят, какой он сейчас ногой шагнет — правой или левой.

Удивляет меня пассивная позиция, занятая по отношению к фильму товарищами из Министерств здравоохранения и ВЦСПС. На мой взгляд, им следовало бы всячески поддерживать фильм. Ведь пропаганда ходьбы, укрепляющей мышцы ног и весь организм, должна живо интересоваться и врачей и товарищей, ответственных за развлекательный турнзизм.

Справедливости ради следует добавить, что отдельные зрители, равнодушные к пешему способу передвижения на экране, жаловались на растянутость этого двухсерийного фильма. Уберите бесконечные хождения героев, говорят они, и фильм из двухсерийного превратился бы в односерийный.

Для них, быть может, такие рассуждения и резонны. Тем более, что билет стоил бы ровно в два раза дешевле. Но тогда фильм не был бы комбинацией фильма художественного и научно-популярного, а был бы просто художественным. К тому же, если не в кино, где еще мы можем научиться ходить?

З. ХОДОК

Александр ИВАНОВ

ТЕАТРУ НА ТАГАНКЕ

Взяв на себя новаторскую роль,
Театр пути прокладывает
в завтра.
Ах, что бы делал раньше
Мейерхольд.
Не будь сегодня этого театра!..

В. ТАТАРИНОВ

РАСЦВЕТ ЖАНРА

Сатира остра.
На любого осла
по басне
Она уже припасла.
Отсюда,
по-моему,
вывод ясен:
Чем больше ослов —
тем больше
Басен!

**ТАЛАНТЫ
И
ПОКЛОННИКИ**

Грибов в этом году видимо...

невидимо!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Товарищи! Вот вы смеетесь, что мол, пожарники все спят. Но учтите: пожарник спит, но он спит беспокойно!»

(Из выступления.)

Записал И. ПОРОШИН.

Кировская область.

«Я, Никитин Николай Филиппович, будучи в нетрезвом виде в отгуле, заехал в пивную, выпил там на троих бутылку — не берет, выпил еще бутылку — не берет. Еще выпил не помню сколько — взяло. Проснулся в кукурузе и боюсь идти домой.»

Прошу местный комитет, чтобы впредь со мной таких случаев не повторялось.

Никитин.

(Из объяснения.)

Переписал В. ТЕСЛЯ.

г. Армавир.

«И начала она нашу семейную жизнь разлагать. Стала говорить, что я вас всех задушу, и уже задушила двух кур».

(Из жалобы.)

Прислал И. КЛЕПИКОВ.

г. Тюмень.

«За допущенные факты нарушения принципов советской торговли Ивановой О. Г. объявлен строгий выговор и предложено добиться»

звания ударника коммунистического труда».

(Из ответа в редакцию газеты «Вперед» правления Оршанского района.)

Копию снял А. ВЯЗНИКОВ.

Марийская АССР.

«Сообщение

В РДК проводится семинар клубных и библиотечных работников. Ни один человек на ночь отпущен не будет, так как будет проводиться показательный тематический вечер «Мы будем жить при коммунизме» — такой истории закон». На семинаре будет присутствовать представитель из края. Быть на семинаре строго обязательно.

Зав. отделом культуры

В. Кирицева.

Прислал И. НАЛИВАЙКО.

ст. Кушевская, Краснодарского края.

«Справка

Квартиросъемщиком является гр. Поживало Надежда Гавриловна, которая состоит из тридцати четырех кв. метров и 45 десятых, на которой прописано пять человек.

Ст. бухгалтер Андреева.

(Выдано ЖКО завода тракторных заводов.)

Прислали АРМЯНОВСКАЯ и ТИТОВА.

г. Курск.

«За период работы в лесхозе тов. Пеленченко В. К. имел положительные стороны:

а) способный, инициативный в работе, среди аппарата лесничества пользовался авторитетом, исполнительен;

б) всегда имел потребность в деньгах и очень часто незаконно брал деньги в кассе лесничества».

(Из характеристики.)

Выписал И. СУЗЫКО.

г. Мозырь.

«Прорабу стройцеха Лебедевой от Амочкина Я. Амочкин, 13 числа этого месяца работал до 2-х часов местного времени. После чего забурился. Вернее, был пьян».

Прислал Е. НАУМОВ.

г. Матадан.

«Граждане, у кого нет детей, пройдите ко мне в дежурную комнату!»

(Объявление на пляже.)

Списал Е. БАРСОВ.

г. Динецк.

«В отделение милиции был доставлен гражданин Пуршев К. М. Причина задержания: был одет в шляпу, коричневое пальто, туфли».

(Из акта о задержании за мелкое хулиганство.)

Прислал В. ФИРОВ.

Тамбовская область.

ПРОСТО АНЕКДОТ

В трамваях многих городов написано: «Запрещается разговаривать с водителем». В Марселе это правило звучит иначе: «Не отвечайте водителю».

Жена обращается к мужу, углубившемуся в чтение газеты:

— Посмотри, как чудесно живут наши новые соседи, как они любят друг друга!

— Неужели?

— Уходя утром на работу, он обнимает ее в дверях, а затем с улицы еще посылает ей воздушный поцелуй. А вот ты, Эндрию, этого никогда не делаешь!

— Так ведь я же с ней незнаком...

В вокзальном ресторане пассажир поднял крик:

— Позор! Мясо такое жесткое, что я десять минут не могу его прожевать!

— Не волнуйтесь, — сказал официант, — поезд стоит двадцать минут.

Один приезжий должен передать москвичу посылку. Они решают встретиться у метро.

— Но как я узнаю вас? — спрашивает по телефону приезжий.

— Примета верная: на мне не будет плаща болонья.

Парашиотист Джон Смит во время очередных маневров выпрыгнул с парашютом из самолета. К несчастью, парашют не раскрылся. К счастью, Смит заметил, что он падает прямо на стог сена. К несчастью, из сена торчали вилы. К счастью, парашютист не напоролся на них. К несчастью, он соскользнул вниз по стволу. К счастью, сено смягчило удар и Смит очутился на земле. К несчастью, он все же сломал себе ногу. К счастью, Смит был застрахован. К несчастью, он был застрахован только от пожара.

Мальчик спрашивает: — Папа, хочешь еще кусочек торта? — Нет, сынок. — А теперь ты спроси у меня.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный вв. 14,
Тел. В. 9-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. И. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИКРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Б. Е. ВОЙКОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Издательство «Правда».
А 10350 Изд. № 1187.

Подписано к печати 19/III—66 г.
Тираж 4 300 000 экз.
Формат бум. 70×108/8.
1 бум. л.—274 печ. л.
Занав № 2279.

30 Абр 1966

35107 ж

ЗА МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО — КРУПНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Хватал за волосы...

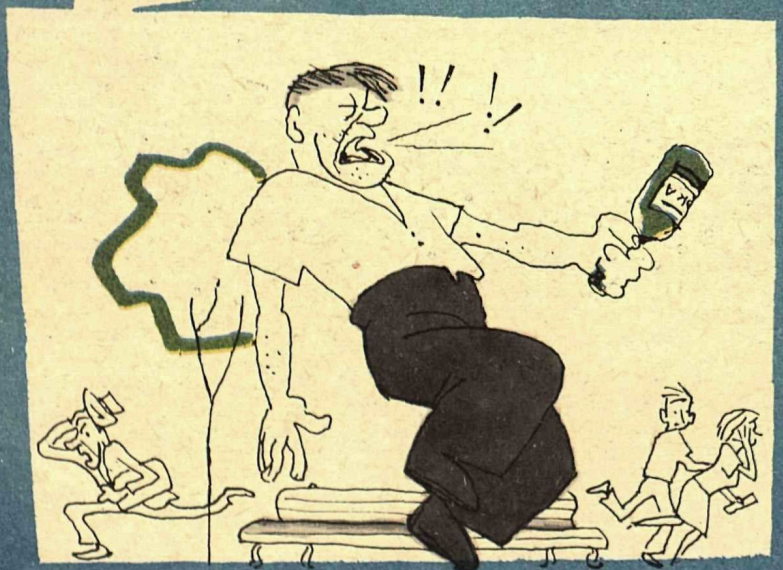
Лез в машину...

...пока не остригли.

...увезли.

Погулял...

...и за работу!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448